

Александр Олсуфьев

КОНТОРСКИЙ
РАБ

Александр Олсуфьев

Конторский раб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936606

Конторский раб: Перо; Москва; 2021

ISBN 978-5-00171-799-7

Аннотация

Время, потраченное на разные пороки, по крайней мере, отмечено некоторым удовольствием, будь то блуд или чревоугодие – будет о чем вспомнить, если не выходить за пределы благоразумия, то этим все и закончится, никаких болезненных ощущений после. Но вот время, растраченное на сомнительное сидение в конторе, можно поставить в ряд с таким безрассудным и глупым поведением, когда человек швыряет собственные деньги в канаву с мутной и грязной водой, которая уносит их неизвестно куда, и неизвестно кому они в результате попадут в руки. Напоминает чем-то, если не воровство у самого себя в чистом виде, то пособничество в этом мерзком деле, как минимум. А когда наступит срок, то придется еще и отчет готовить, где подобная растрата будет выделена отдельной графой, с обязательным пояснением.

Содержание

Конторский раб	5
За стеной	5
Простой человек	5
Назначение	22
Про стол	27
Вторая семья	34
Занят делом	41
Недостающий элемент	48
Нападение	52
Осада	68
Хорошо поговорили	72
Гнездо разворошили	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Олсуфьев

Конторский раб

© Олсуфьев А., 2021

* * *

Конторский раб

За стеной

Простой человек

Человек я простой. Можно сказать, незатейливый. Живу по средствам, лишнего не имею, да и... не прошу. Чем больше имеешь – тем хлопотней жизнь складывается. Кому-то суетность вся эта, может быть, и по нраву, но не мне. Беспокойство, оно в ущерб всему: и здоровью, и делам также, и на отдыхе отражается самым неблагоприятным образом. Соблазнов, конечно, вокруг много, но и тратиться на них жалко – это ж все мимолетное, а копеечка, она всегда с тобой остается, она самый верный друг и помощник. Друзья и подруги, любовницы, жены, наконец, даже дети – все это такое ненадежное, такое скоротечное, особенно в наше время и в нашем городе.

А городок у нас особенный, такой, что поневоле закашляешься рассказывая о нем, поперхнешься на каком-нибудь слове, и не обязательно слово это можно произнести в порядочной компании и при дамах... Хотя... дамы нынче изъясняются такими выражениями в присутственных местах, и на

улице также, что сам покраснееешь, а им все равно, болтают в свое удовольствие, «глазки строят» направо и налево и идут дальше.

Утро в нашем городе начинается с того, что все бегут... бегут в одном направлении – из дома, глаза горят, ноги энергично, даже зло отталкивают землю, а вечером все ползут обратно, но уже с потухшим взором.

Ночью, конечно же, тихо. Лишь скрипнет где-то за стеной кровать или диван, собака ни с того ни с сего залает у соседей этажом выше, но быстро угомонится, и все опять тонет в тишине, но вот на улице кто-то заорал то пьяным голосом, то начинает вопить «помогите», однако утром ни следа, ни намека на бурные события.

Так вот, доползают «эти» до «домашнего очага», что имеет не материальное представление, а лишь присутствует в воображении и то недолго. А как же этот образ пылающего очага может удержаться в сознании, когда хозяин этого сознания обитает в многоквартирном доме, где при малейшем признаке задымления срабатывает пожарная сигнализация, но не об этом речь... Приползают домой и сразу же начинают суетиться, стараясь изо всех сил наверстать то время, что было бездарно потрачено, убито, иными словами, в том месте, куда с утра неслись с выпученными, горящими глазами, и развивают такую бурную деятельность, чтобы наверстать упущенное и успеть сделать все, что хочется, до того момента, как будильник издаст самый омерзительный на свете звук.

И, как результат всего этого, приблизительно следующий диалог:

– Милый, нам нужно серьезно поговорить...

– Да, дорогая. Я весь внимание.

– Я, кажется, того...

– Чего того? – в голосе чувствуется напряжение. Всем известно, что когда человек говорит, что он «того» – ничего хорошего это не значит.

– Я, кажется, беременна...

Тут же перед мысленным взором проплывают коляска с ценником – сплошь нули и одна цифра спереди, а новый автомобиль и баня на даче, покачиваясь, уплывают за горизонт, тают в голубой дымке, следом плывет кровать тоже с ценником, ползунки, костюмчики, пачки памперсов, бессонные ночи, потом детский сад с изучением китайского языка, подарки воспитателям с омерзительными наглыми рожами, школа... и хорошо будет, если он или она начнут и продолжат учиться и только, удержатся от выпивки и легких наркотиков и не скатятся до чего-нибудь тяжелого и гиблого... или они это уже начинают в детском саду?..

Поневоле на язык наворачивается словцо:

– Черт...

– Что?!

– Это я, дорогая, от радости... Ну как же? По-другому и быть не может...

Дети – также субстанция мимолетная – вот они при тебе,

радуют всем своим видом, сердце щемит, глядя на них, а потом как-то незаметно они уже далеко, они уже не с тобой, сами по себе пошли куда-то, и присутствие твое им не надо, раздражает по большей части твое присутствие, потому что ты уже не игрушки яркие им покупаешь и воспринимаешь их радость от этих простых покупок, как свою, ты уже пытаешься оградить их от проблем и бед, про которые они еще не знают, но уже прилежно попадают во все ловушки, что жизнь расставляет на каждом шагу. Пытаешься их научить, стараешься предупредить голосом ровным и немного строгим, а они воспринимают это чуть ли не как акт агрессии, вторжение в их личную жизнь и личное пространство, ограничение свободы...

А нужна ли она, такая свобода, когда на каждом шагу приходится платить. Да и свобода ли это? Своих денег у них, как водится, нет, и не скоро будут, работать им совсем не хочется – ну, это естественно. А кому, позвольте узнать, хочется? Но и заставить себя не могут.

Деньги же тратят с особенным удовольствием и беззаботностью, и денег этих никогда у них не бывает, просят у тебя, ты, конечно, даешь, но скрепя зубами. Это уже не игрушки, купленные в магазине. Здесь уже и денежку жалко, выброшенную, как правило, на пустяки, и от последствий неправильного и несправедливого использования денег хочется уберечь и их, ... и свои денежки тоже. Начинаешь опять учить, поучать, наставлять, а слушать тебя никто не хочет, получа-

ется конфликт.

Нет... с деньгами общаться как-то проще – они помалкивают, но слушают тебя очень внимательно.

Про родственников я и не говорю вовсе...

Родственник – это такое существо, что и не друг, не коллега, не соратник, а непонятно кто, ниспослан тебе небесами, по большей части в наказание за грехи... Но если учесть, что это наказание объявилось в твоей жизни как только ты сам на свет появился, когда и согрешить-то толком не получилось, не успел, то уж совсем непонятно становится кто это за люди такие и зачем их нужно терпеть, а пуще всего их выходы...

Другое дело, когда какой-нибудь из родственников отправится в мир иной, оставив в этом мире кое-что материальное, что туда взять не получается никак, пусть хоть в гроб положат – наследство, так сказать, вот тогда и родственные связи наполняются смыслом, и в сердце отвесной волной поднимается любовь к человеку, которого видел-то, может быть, один-два раза в жизни, а может и никогда не видел. Пересчитываешь свалившееся почти с небес и прикидываешь как потратить, потом говоришь кому-то, кого уже и нет, «спасибо» и опять углубляешься в начальный курс математики, мысленно отправляя суммы то туда, то сюда, то еще куда-нибудь – приятно, черт побери, и мир праху его...

Но такое случается, к сожалению, очень и очень редко...

Гораздо чаще происходит обратное, когда на твое кров-

ное, заработанное и выстраданное, за что заплачено годами каторжного, рабского труда, некто, а может быть и не один, а много их, уже положили свой глаз и мысленно поделили и растратили...

Тогда и всего заработанного не хватит. Придется дорабатывать, докладывать, придется опять экономить, опять отказывать себе то в том, то в другом, чтобы возникло мнимое чувство благополучия и защищенности от жизненных обстоятельств и связанных с ними неприятностей. Самообман, конечно – всех денег мира не хватит, чтобы удержаться в этом мире хотя бы на мгновение дольше, чем тебе определено, но вот помучиться под присмотром докторишек, опять же жадных до твоих денег и безразличных к здоровью, своему также – это пожалуйста, как говорится, «сколько угодно», пока сам не загнешься или деньги не закончатся.

Вот и получается, что отказываться от предложения поступить на службу в одну контору, пусть и на маленькую должность, глупо и неразумно – там же, все-таки, деньги платят два раза в месяц, а это возможность улучшить свое теперешнее материальное положение, и еще немного понежиться в самообмане, что все у тебя нормально... как у всех.

Сам-то, своими силами и руками заработать не можешь, не получается или смелости со сноровкой не хватает, а потому и идешь в услужение.

Предложение о работе поступило мне от Петра Степановича – старинный мой «покровитель», собственно говоря, я

и работаю на него, но об этом позже...

Иметь такого «покровителя» в любом деле и полезно, и важно, и во многом облегчает существование, но подобная услуга не безвозмездная, благотворительностью в таких делах никто не занимается. Если тебя куда-то пристраивают – будь готов отплатить чем-то. Ты же не обладаешь никакими исключительными знаниями или мастерством, чтобы воспользоваться этим и получить с этого определенную выгоду. Ты всего лишь маленький элемент, винтик-шестеренка в огромном бюрократическом аппарате, обосновавшемся в этом городе, где большую часть времени учитывают то, что произведено другими такими же винтиками – шестеренками, да еще и борются друг с другом за более оптимальный, более точный учет, того, что и не существует. Так что, в этом деле, где и дела-то нет никакого, незаменимых нет, а потому? для собственного же блага требуется стать полезным тем, кто соизволил внести твою фамилию в расчетную ведомость по начислению заработной платы; хоть как-то, но полезным.

Если ты представитель женского пола, то в этом случае все проще и одновременно сложнее – в этом случае главное не возмущаться по пустякам и не задумываться над последствиями, быть покладистой, в буквальном смысле этого слова, и тогда путь вверх по шаткой служебной лестнице открыт, и каких-то особенных препятствий не будет, главное следить за здоровьем, и можно даже добраться до определенного уровня – все зависит от скорости подъема, а уровень

этот определяется физической привлекательностью, которая со временем, как известно, исчезает, так что нужно поторопливаться...

И как только превосходство, определяемое физической привлекательностью, исчезает, словно бы выветривается, и гражданочка оказывается в таком же незащищенном положении, как все прочие, то тут начинают проявляться те самые черты характера и образа мыслей, за которые запросто могут присвоить непочетное, но весьма красноречивое прозвище – «ведьма»... ну или более общее, что подходит и мужчинам и женщинам – «сволочь».

Скажите, невероятно циничное представление трудового процесса, добавьте, что существует множество людей, занимающихся разными конторскими делами, пусть и не без энтузиазма, но добросовестно, а существуют даже те, кому это нравится...

Да, и таких видел, но зрелище скучное, смотреть на них невыносимо, но плакать от их вида не хочется, и каждый раз задаешься вопросом: тонкое ли это, мастерски построенное лицемерие или неизмеримая глупость? Потому что, как не крути, как не подходи к этому вопросу, хоть спереди, хоть сзади, но цель-то их пребывания в конторских стенах одна и та же, самая мизерная, самая жалкая – дотянуть, дотащить-ся до зарплаты, а потом потратиться на какую-нибудь покупку...

И здесь-то мы попадаем в изящно расставленные силки

рукой опытной и невидимой. Чем больше мы покупаем, тем больше мы тратимся, и это естественно, и чем больше мы тратимся, тем больше нам требуется денег, и чем больше нам требуется денег, тем покладистей, сноровистей, тем послушнее мы становимся на службе, чтобы, выслужившись, получить больше и потом потратится еще больше... и так далее – сплошной порочный круг, вырваться из которого практически невозможно.

А кому-то эти «круги» очень и очень на руку, кому-то эти мои расходы очень нужны, и чем больше таких расходов, тем лучше он себя чувствует...

Чтобы вырваться – нужно кое чем пожертвовать, в чем-нибудь ущемить себя, в чем-нибудь ограничить, лишить себя чего-нибудь, отказаться, то есть вернуться на тот уровень своего существования, какой был давным-давно, может быть, в самом начале служения этому обществу на конторском поприще, то есть остановиться и оглянуться... А ведь страшно оглядываться. Столько времени утекло напрасно. И как оглянешься, да как ужаснешься, и опять побежал, гонимый страхом, дальше по тропинке, настолько утоптанной миллионами ног, похожих на твои, что превратилась она в широченную дорогу.

Но с другой стороны, раз остальные идут этим путем – значит, он безопасен. Стадо добровольно на убой не пойдет, но вот на новые, сытые пастбища двинется с превеликим удовольствием, и если по дороге какая-то часть этого стада

исчезнет, по тем или иным причинам, под влиянием тех или иных обстоятельств, то, стало быть, так и надо. Новые народятся. Рождаться-то не перестают.

Вообще, способность женщин к продолжению рода человеческого – страшное по своей разрушительной силе оружие, порождающее бесконечное количество рабов, которых нужно кормить, одевать, обувать, создавать для них теплую, безопасную, уютную обстановку и еще средства передвижения и прочие разные условности и мелочи, без которых мы и жизнь представить не можем теперь...

Из всех, кто рождается, наверное, процентов десять... а то и меньше... станут теми, кто хоть что-то делает и заодно кормит, а остальные девяносто потребляют это и еще ножкой притоптывают, требуя добавки.

Я, вообще-то, оптимист, другие говорят, что тех, кто кормит, всего процента два от общей численности, которая непрерывно хочет есть. Кто-то может возразить (пусть возражает), что среди тех девяноста и более процентов могут быть и люди одаренные, талантливые и даже гении... На что я хочу ответить, что таковыми они чаще всего становятся, когда их кормить уже не надо, то есть, когда умрут... Но вот до этого момента они бегают со своими идеями от одного конторского стола к другому, где-то, что-то еще делают, чтобы заработать себе на кусок хлеба, а все вокруг твердят, прихихикивая, что это дураки, что вместо того, чтобы глупостями заниматься, занялись бы делом, но каким не разъясняют.

А попробуй, лиши их, этих умников, хотя бы части тех мелочей: одежды, обуви, мебели, автомобилей – получишь недовольство, смуту, получишь бунт, и кто-нибудь воспользуется этой ситуацией и перекроит все по собственному усмотрению, а бунтарей умиротворит и уберет, и все остальные уже будут служить для него. Собственно говоря, мало что изменится, но времени и жизней будет потрачено – не сосчитать. Так что избыток рабской силы очень часто приводит к большим проблемам, чем к благам.

Но это все теоретические рассуждения, перейдем теперь к практическим доказательствам.

Вот, к примеру, я... Был женат два раза... Слава Богу, не одновременно, а по очереди, иначе не вынес бы, руки наложил бы на себя, а так... вполне терпимо... Тем более, что «первая» смогла довольно быстро выскочить замуж во второй раз, а потому кормить и ее, и моего отпрыска пришлось не долго – хоть здесь повезло. Кормить и одевать приходится второго отпрыска – плод пагубной страсти в начале второго брака и его мамашу также. Если пришлось бы совмещать процесс кормления всех и сразу, то подобной нагрузки, как я думаю, мало кто смог бы выдержать.

Любая задержка в подношении «корма» воспринимается как саботаж, и реакция на это крайне враждебная, сопровождаемая угрозами и обещаниями то «уехать к маме» – что, в общем-то, совсем неплохо, то «отнять все» нажитое за долгие годы каторжного труда – а это гораздо хуже, то «испога-

нить жизнь так, чтоб другим неповадно было» – но куда ж дальше-то? Поэтому, приходится и «крутиться», и «ползать на коленях», и «пресмыкаться», и «извиваться», чтобы избежать ненужных конфликтов, сохранить мир в доме в какой-нибудь форме и заодно нервные клетки, которых становится все меньше и меньше... И еще волосы начали редеть на макушке, говорят из-за стресса... а он такой липучий, стресс этот. Но как все-таки это надоело...

Кто-то, ведь, должен уделить внимание благополучию всей этой толы, утром несущейся в контору, а вечером выходящей из ее дверей. И одних мастеровых, ремесленников: сапожников, портных, токарей, слесарей, сварщиков, каменщиков, ... для этого не хватит. Нужна система, производящая эти самые небольшие, уютные блага, позволяющая тех самых, кого породили, одеть, обуть, накормить, посадить на стул, положить на кровать, дать возможность доехать, а кому-то и долететь... Система эта производит вещи в больших количествах и одних только умелых рук тут не хватит.

Служа в одной из контор, в прошлое мое назначение, сам ездил и видел фабрики без людей, где почти роботы шьют обувь – страшненькая такая получается, но зато много. Есть механизмы, что шьют брюки и рубашки, делают мебель, собирают технику всякую... Кривенький товар получается, но главное, чтобы купили. И еще кто-то все это должен учитывать... А как по-другому? Раздать, что ли? Высыпать горой и созвать народ, чтобы забрали что каждому приглянется?

Так лучше в этом случае сжечь все. Пусть босыми ходят.

Нет. Нужно продать. И не просто нужно продать, а нужно суметь продать это. Пусть хотя бы грош прибыли принесет. Вот где-то отсюда, из этих «мест», и появляются разные управленцы, такие, как и я, что делать-то ничего не умеют, но пристраиваются, прилепляются, привязываются к этому огромному неуклюжему процессу учета и гордо величают себя всякими менеджерами: финансистами, юристами, плановиками, менеджерами по продажам и по закупке, по маркетингу, по отчетности и по учету, по кадрам и по поставкам, и еще по множеству всякого разного, что сами же и придумывают, а над ними ставят начальников, которые тоже ничего делать не умеют, но те еще хуже, чем те, что под ними – они за свое «ничего не делание» получают большую зарплату, а над ними всякие замы директоров, а выше всех директора – самый паскудный народец. Они кроме больших зарплат обласканы еще и всякими привилегиями – от такого редко кто откажется добровольно, либо блаженный какой, либо сумасшедший, но такие, с отклонениями в черепной коробке, до тех «высот» не поднимаются.

Директора эти – народец своеобразный. Теоретически они должны руководить всеми процессами внутри конторы, оптимизировать их, совершенствовать, кидать мудрый взгляд в будущее, сравнивать с прошлым, чтобы не допускать промахов и ошибок, заботится о таких, как я... Короче говоря, делать все возможное, чтобы и барин был доволен, и

мужик сыт, и баба его была, если не счастлива, то, по крайней мере, не скандалила бы по пустякам. Но все это только теоретически. А теория, как известно, отстоит от практики на очень большом расстоянии.

Так вот, в жизни, то есть на практике, этот персонаж появляется в своем кабинете не для того, чтобы руководить, а чтобы присматривать. Присматривать за тем, чтобы покупали у тех, у кого нужно, чтобы деньги переводили тем, кому нужно, избегать конфликтов, когда по незнанию, ошибочно, эти два правила, «священные» для большинства контор, могут быть нарушены... и следить, чтобы сознательно никто этого также не делал.

Вот те, кому все это и нужно, водружают такого человека в директорское кресло. Больше он там ни для чего не нужен. Он у них «смотрящий».

Все взаимоотношения, имеется в виду деловые, но, впрочем, и не только, складываются внизу, под ним, под директором, сами по себе и очень часто получают такими запутанными, такими неуклюжими и никчемными, что вся эта конторская «рать» вместо того, чтобы заниматься делами производственными, тратит все рабочее время на обслуживание самих себя, еще тех, кто пристроился выше, на борьбу с себе подобными, и все так запутывается, словно обматывается паутиной, где каждое движение передается по невидимым нитям в разные стороны, и оттуда может вылезти непонятно что и кто. Складывающиеся отношения какие-то нелепые,

неуклюжие и даже не нацеленные на святое святых любой коммерции – на зарабатывание денег, а чтобы просто удержаться на насиженном месте и не быть вычеркнутым из ведомости по учету рабочего времени и оплаты какого-то труда.

Однако, как все суется при этом, как стараются показаться занятыми, полезными для дела, но какого дела и сами не понимают, а потому во всех этих отношениях нет искренности ни на грош. Хотя так получается, что именно за гроши-то и можно получить в таких конторах немного искренности, правда все реже и реже – мздоимство в «чистом» виде не поощряется, даже преследуется, потому приобретает самые оригинальные, самые необычные формы, поскольку неискоренимо, а по-другому, вообще, ничего не получишь.

Ну ладно, хватит всяких отвлеченных разговоров. Возьмем, к примеру, меня, и поскольку разговор у нас с вами ведется откровенный, то и скажу все, как есть, как на исповеди – делать-то я ничего не умею, хотя и служил всю свою жизнь в разнообразных учреждениях, некоторые из них почему-то считались «престижными» – вот еще одно заблуждение про престижность той или иной конторы. Какая разница, престижная контора или нет, все равно день-деньской проводишь в четырех стенах, с телефоном на ухе, с компьютером пред глазами, вместо окна в мир... вот только стол и стул бывают разной конфигурации и удобства.

Служил я на разных должностях, и некоторые из них были достаточно высокими и хорошо оплачиваемыми – это во время моей первой женитьбы.

Эх! Молод был, азартен, не дурен собой, да и не глуп, ну меня и усаживали на разные места, чтоб покрасовался, и при этом еще и денежку платили.

Как-то я даже был заместителем генерального директора. Казалось бы, вот оно заветное место, а на следующей ступеньке ждет уже место с большим кабинетом, с отдельной комнатой отдыха, с парой секретарш, суровых с чужими, но беззаветно преданных своему господину, подобно хорошим сторожевым, внутренне всегда готовы услужить до мелочей...

Но, не побоюсь повториться, на такие места всегда сажают сверху, для того, чтобы присматривал за делами, снизу туда никто не поднимается – стены в этом колодце очень отвесные. Ну и, соответственно, путь мне туда был заказан. Как отсидел я свой «срок» в замах, меня и убрали и из «священной» ведомости тоже выкинули. Дома, конечно, никто голодать не стал, но количество разнообразных покупок, к которым привыкли, пришлось сократить. А это значит – пришлось пожертвовать своим уровнем благосостояния, а такое не прощается. Начали возникать разнообразные конфликтные ситуации, все чаще и чаще, потом время между этими конфликтами сократилось настолько, что потребовалось развестись. Ну и ладно... Как говорится, «баба с возу – ко-

быле легче».

Но вернемся к моему назначению. Что-то мы в рассуждениях разных отошли от темы, даже забрели в какую-то крестьянскую область, где водятся бабы и едут они на каком-то возу... а дорога лентой вьется через луга зеленые, поля, золотистые от созревшей... – это уж из песни какой-то... И так, вернемся домой.

До этого назначения пришлось несколько недель провести в теплой домашней обстановке, пока дожидался заветного звоночка. Ох уж и натерпелся, скажу вам... «Близкие» мою всю кровь из меня выпили. Я так привык видеть их только по вечерам, всего несколько часов, да по выходным, что даже не представлял, как это бывает, и что чувствуешь, когда целый день проводишь у «семейного очага» и не уходишь на поиски «хлеба насущного».

Было такое ощущение, что они за моей спиной задавались одним лишь вопросом: «А этот откуда здесь взялся и когда он уйдет?»

«Отличник» все время переживал и нервно оглядывался, когда я проходил мимо его комнаты и совсем расстроился, стоило мне спросить его «как дела в школе?». «Ненаглядная» так и вовсе извелась вся, пряча от меня какие-то свои дела-делишки, отказываясь от каких-то поездок и встреч, даже говорила по телефону фразами отрывистыми и недолго, прикрывая ладонью трубку, что указывало на крайнюю форму нервозности. И с такими физиономиями они ходили по

квартире, переглядываясь заговорщицки, словно и не муж, и не отец вошел в свой дом, а враг проник, оккупант.

Все эти разговоры про домашний уют, про тихую, теплую обстановку, где можно расслабиться и отдохнуть от трудов и невзгод – это лишь очередная сказка, миф и легенда, целью которой заставить раскошелиться на разнообразные предметы, создающие иллюзию этого самого «домашнего уюта», то есть заставить человека опять же потратиться, но воспользоваться приобретенными предметами по их назначению, коль вдруг захочется или обстоятельства сложатся таким «благоприятным» образом, не дадут те, кто этим уже пользуется, а тот, кто все это приобрел, не может найти себе места, потому что все занято, а место его вовсе и не в доме, а где-то за его пределами, в каких-то чужих четырех стенах, откуда нужно... откуда он должен приносить в дом то, что поддерживает все это благосостояние – хрустящие купюры различного номинала.

Но вот прозвучал долгожданный звонок, и я с облегчением выдохнул и нисколько не торгуясь и не выпрашивая чего-нибудь получше, согласился с тем, что было, лишь бы убраться из «родного» дома куда подальше и как можно быстрее.

Назначение

Работать предложили в конторе, занимающейся строи-

тельством чего-то мелкого, для другой конторы, что уже добывается всякое разное и в огромных количествах.

Дело-то обыкновенное – ну, понадобилось что-то там построить, и решили под все это организовать отдельную структурку, со своим директором, который, не мешкая, тут же обзавелся несколькими замами, с дюжиной отделов, и, соответственно, набрали начальников отделов, а у тех свои замы, а еще там всякие сотрудники и сотрудницы – ну, в общем, все как везде и как всегда – удивляться тут нечему.

Но самое забавное в этом то, что устроиться в такую контору человеку обыкновенному, про которого говорят, что он «с улицы», пусть и обладающему совершенным умом, владеющему необыкновенными знаниями, здоровому, то есть не исчезающему на бюллетенях, который бы исполнял возложенные на него обязанности как и учили – эффективно, оптимально, изобретательно... тьфу!

А такие, вообще, существуют в природе? Мне, лично, такие никогда не попадались ни на службе, ни за ее пределами. Но даже, если бы такой индивидуум и существовал, теоретически, то и его не взяли бы на работу в подобное заведение. Коль никто не поручился, то и двери закрыты – в ведомость по учету заработной платы не внесут, а значит – иди, ищи где заработать в другом месте.

Но за меня заветное словцо замолвили. От Петра Степановича был звонок в отдел кадров, где после обычных «как здоровье?», «как живете?» ненавязчиво так попросили при-

строить одного человечка, меня, значит, и поскольку начальственные должности были разобраны давным-давно, то на должность рядового... сотрудника...

Ну и пусть, что «рядового», лишь бы не на передовую. Мне-то нужно внутрь этой конторы, а не на стройку. На стройке мне делать нечего, потому что я и делать-то ничего не умею. Не учили этому. Да и сам, как-то не хотел учиться.

Скажете: ишь, какой прохвост! Так не я же один такой. Таких, как я, много. Что, в этом городе много сварщиков, токарей, столяров, плотников, каменщиков, сапожников, ткачей?.. Чуть не добавил «врачей» – этих-то хоть отбавляй... Много людей умеющих зарабатывать своим мастерством, своими знаниями. Да единицы, и те голодают, ищут любую возможность пристроиться за столом, спрятаться за конторскими стенами.

– Пойдемте, я вас отведу в отдел, – любезно предложил кадровик. – Представлю начальнику, так сказать, – тут он саркастически скривил губы и зачем-то пошарил на столе среди бумаг.

Вообще-то, мужик этот, из кадров, мне понравился. Бывает так, едва познакомился с человеком, первый раз встретились, а он уже вызывает симпатию. Но чаще случается наоборот, живешь с кем-нибудь не первый год, уж знаешь все, чуть ли не изнутри наружу, а кроме раздражения ничего не вызывает человек этот... в юбке... Н-да... Похоже, еще одна

проблема назревает... но не будем о грустном.

Пошли мы с ним по коридорам. Двери справа, двери слева, изредка раздаются голоса, слов не разобрать, да и слушать-то это не хочется – конкретной пользы от этого никакой, а на глупости обращать внимание времени нет.

По дороге заглянули в одну странную комнатку.

– Отдел безопасности, – пояснил кадровик, – собственно говоря, заходить-то сюда необязательно, но... по инструкции следует заглянуть... – и, коротко стукнув пару раз, вошел.

В былые времена подобные отделы назывались «первыми» и основная их обязанность заключалась следить и предупреждать – следить, чтобы коварный враг не просочился внутрь, и предупреждать, чтобы никто из подведомственного им учреждения не ступил на скользкий путь измены. Теперь же все изменилось – враги уже и не враги больше, а партнеры, а те, кто мечтал сбежать, давно уж убежали.

В комнате за единственным широким столом, стоящим посередине, сидел гражданин, больше там никого не было. Гражданин был большой, щеки его лежали на воротнике, а загривок смялся в складочку. Маленькие глазки сонно и безразлично взглянули на нас. Внешне он напоминал кабана, забравшегося в густой, путаный кустарник, где устроил себе логово и чувствовал себя там спокойно и уверенно.

– Новый сотрудник, – сказал кадровик и положил бумаги на стол.

Гражданин взял листы толстыми пальцами, просмотрел,

откладывая по одному на край стола. Один изучал достаточно долго. Подняв на меня свои сонные глазки, спросил голосом хриплым, но с ноткой интереса:

– Как я вижу, ваш послужной список весьма и весьма обширный. Зачем вам рядовая должность?

Я удивленно поднял бровь и ответил, почти не задумываясь:

– А я работы не боюсь. И потом, знаете, там, на улице, кризис и, слава Богу, что хоть такая работа досталась. Скоро никакой не будет.

Гражданин понимающе кивнул, расписался где-то внизу, наискосок, и, вернув кадровику пачку листов бумаги, погрузился в прежнее дремотное состояние с широко открытыми глазами и отсутствующим взглядом, направленным на экран компьютера, что означало – наш визит в «охранное отделение» завершен. Мы и пошли дальше.

Канторка-то мелкая, да и дела ведутся в ней скромные, но службой безопасности уже обзавелись и посадили в нее ни какого-нибудь сторожа, прислали генерала милиции, в отставке, конечно же, чьи «корочки», как мне сообщили по секрету позже, когда я обосновался здесь, и с завистью в голосе, позволяют ему ездить по «встречке».

А зачем там ездить-то? Станный народ какой-то – завидуют всяким глупостям, убиться же можно, да и других поубивать... Может, этим людям подобное доставляет удовольствие?.. И зарплата его соответствовала подобной езде.

Гражданин числился на должности заместителя генерального директора...

Ну, что тут добавить? Я только и сделал, что развел руками. Остается лишь порадоваться за тех, кто не бросает себе подобных на произвол судьбы и вглубь не сформировавшихся рыночных отношений, даже тогда, когда они отправлены в отставку.

Про стол

Пошли дальше по коридору, подошли к одной из дверей, вошли без стука. Однако кадровик не распахнул дверь, а открыл не так чтобы быстро, с некоторой задержкой.

В комнате сидели четверо: женщина преклонных лет, девушка и какой-то молодой человек. Все встрепнулись при нашем появлении, отложи дела свои, оторвали взгляд от бумаг и экранов.

В углу спрятался четвертый – начальник этого отдела, старичок сухонький, видимо досиживал последний годок перед пенсией.

Такие старички предпенсионного возраста – самый идеальный человеческий «материал» для подобных заведений, как эта контора: они не конфликтуют, потому что цель их очевидна и вполне достижима – доползти до пенсии; они исполнительны – опять же по той самой причине, чтобы не попасть под сокращение или чего хуже – увольнение; они не

активны, не буйствуют, ничего не добиваются – и все по той же самой причине; они не позволяют, чтобы в подопечном им мирке возникло какое-нибудь вольнодумство, еще хуже – революционные идеи, направленные на совершенствование процессов учета и отчетности – это им не надо, это лишнее, не надо это и их начальству.

К чему вся эта суета? К чему излишнее беспокойство? Все равно, все это – прах, пустое экспериментирование, растрата сил и времени. Раз им это не нужно, то и никому тоже. А потому, спокойствие, тишина и исполнительность – их девиз повсеместно.

Вскинулся он позже всех. Видимо, задремал. Как прибежал с улицы, плюхнулся в свое креслице, вздохнул глубоко, выдохнул, скинул ботинки, пошевелил пальцами в носочках, прикрыл глазки и вздремнул немного, так на полчаса, чтобы набраться сил пред трудовым днем, что проскользнет мимо незаметно и незаметно приблизит его к заветной цели – выбраться из этих опостылевших стен с небольшим доходом в виде пенсии и поселиться у себя на огороде.

– Вот, привел вам нового сотрудника, Богдан Осипович, – пояснил кадровик.

Старичок, под необычным именем Богдан Осипович, заморгал глазками-бусинками, прогоняя остатки сна.

– Какого сотрудника? – не понял он.

– Обыкновенного, – лаконично объяснил кадровик и посмотрел на потолок. – За вашим отделом числятся две ва-

кансии. Одну мы сейчас закроем, а вторую под сокращение пустим, и все будут довольны.

– Но... но мне не нужны сотрудники, – начал вяло сопротивляться Богдан Осипович и вид у него был совсем недовольный, не как было обещано.

– Вам не нужны, а нам нужны, – холодно отрезал кадровик.

– Послушайте... Но... – старичок судорожно начал шарить под столом в поисках ботинок. Кадровик же развернулся и, не говоря ни слова, направился к двери, считая свою миссию исполненной. А что? Он прав. Оформил меня, представил и пошел заниматься своими делами.

Богдан Осипович, наконец, обулся и на удивление проворно выскочил из-за своего стола – не растерял сил еще старичок-то, обежал меня по кругу и кинулся следом за уходящим кадровиком. Дверь за ними закрылась.

Я осмотрел комнату: столы вдоль стен, за ними сидят какие-то люди, с которыми мне придется теперь коротать дни напролет, даже дольше, чем в кругу моей разлюбленной семьи, в углу пара шкафов, и неоновый свет над головой, что не гаснет с самого утра, даже если за окном летний, солнечный день в полном разгаре – обстановка хуже, чем в могиле, но ничего не поделаешь, нужно приступать к ... чему-то, и я, не говоря ни слова, подошел к окну. Выглянул на улицу сквозь давно немытые стекла, посмотрел на неровные ряды выцветших крыш...

– Ну, как тут послужится? – обратился я к молодому человеку, с молчаливой покорностью продолжавшего высматривать что-то на экране монитора.

Тот кротко взглянул на меня, неопределенно пожал плечами, грустно улыбнулся и продолжил изучать что-то на экране. Девушка лишь ухмыльнулась, а женщина приблизительно тех же лет, что и старичок-начальник, так даже и бровью не повела, продолжала что-то вычерчивать при помощи карандаша и линейки.

«Должно быть, «боевая подруга» моего теперешнего начальника», – подумал я. – «Таскает ее из конторы в контору, из отдела в отдел следом за собой, как талисман, за какие-нибудь отдаленные во времени заслуги, и оба счастливы. Верный пес на службе у своего хозяина. Нет, не пес... Только, вот, не понятно, кто тут больше руководит отделом, эта гражданка или тот «дед»? А может, я ошибаюсь, и все не так мрачно».

Но тут дверь открылась, и в комнату вполз мой новый начальник. Кинув на меня недовольный взгляд, он прошаркал к себе в угол. Ну, в общем-то, я его понимаю, сам бы был недоволен – спал, спал себе в углу, как в паутине, беды никакой не ведал, а теперь вот стоит перед ним какой-то хлыщ в костюме, и нужно с ним что-то делать – проблема, однако.

– Вы, знаете... – начал он, рассеянно перебирая на столе писчие принадлежности, но тут же осекся. – А как вас зовут?
– Александр...

– Александр, значит... – старичок рассеяно взглянул на темный экран выключенного компьютера. – А мне вас сажать-то некуда... Я... как бы... и не ожидал вашего прихода...

– Понимаю, – согласился с ним и поддержал его желание избавиться от меня. – Сам в растерянности.

Старичок сверкнул своими бусинками-глазками и опять потупил взор.

«Н-да, «дед», под названием Богдан Осипович, не позавидуешь тебе.», – ехидно подумал я, но сам и бровью не повел, стоял с каменным выражением лица, смотрел на него спокойно, без эмоций. – «Теперь тебе нужно стол для меня доставать, стул, компьютер, задания всякие давать – суе-ты-то я тебе сколько натащил с собой. Не ожидал ты такого. А что поделаешь? Кому сейчас легко? И потом ты же служишь, а не хозяйничаешь – значит, должен быть всегда готов к неприятным сюрпризам, а ты, вон, расслабился, обложил себя со всех сторон «преданными» людьми, а про вакансии забыл. Лопухнулся ты, опростоволосился. Тебе бы от них, от вакансий этих, надо было избавиться как можно быстрее, а ты не пошевелился. Для кого-нибудь из своих, наверное, берег. Теперь расплачивайся за свое благодушие».

Старичок еще посидел так с минуту, печалась о своем недавнем уютном прошлом, и поднял трубку телефона, начал обзванивать соседние отделы, выискивая свободный стол в аренду, на время, пока не удастся получить собствен-

ный...

И так я «путешествовал» из отдела в отдел чуть ли не целый месяц. Это путешествия по миру поучительны и приятны, а внутри конторы подобное занятие однообразно и малоинтересно.

Комнаты везде приблизительно одинаковые, отличаются лишь количеством горшков с геранью на подоконниках. Физиономии сотрудников малопривлекательные, почти всегда с одним и тем же выражением – смесь скуки и тоски. Столы тоже одинаковые.

Однако, мне подобные перемещения из комнаты в комнату, пока кто-то был в декрете или в простом отпуске – прелюдии к декрету, то бюллетенил, то в командировке отдыхал, очень даже понравились. Человек я непривередливый, поэтому легко усаживался на любой стул и с удовольствием занимался своими делами.

Начальничек мой, старичок по имени Богдан Осипович, из-за постоянных перемещений найти меня не мог, да он особенно и не старался. Телефон у меня был то один, то другой, то третий. На звонки я почти не отвечал, потому что звонили тем людям, за кем этот стол был закреплен, и кто сейчас временно отсутствовал. Иногда я забежал в комнатку своего начальничка, чем его сильно беспокоил, потому что входил без стука, клал на стол номер телефона, нового, спрашивал, промежду прочим, нет ли какого задания, и уходил. Задания все равно не было. Через день я уже сидел на новом

месте и с невозмутимым выражением слушал как звонит телефон, но не по мою душу.

Но так уж устроен этот мир – всему хорошему, как и всему плохому, рано или поздно, приходит конец.

Как-то вечером на кухню, где я ужинал, чем Бог послал, вошла жена и сказала, что меня просят к телефону. Звонил сам Петр Степанович, и было это очень необычно и одновременно волнительно.

Человек он в быту вежливый и обходительный. Это он на службе зверь зверем, а во внеурочный час всегда извиняется и деликатно поинтересовался вначале про здоровье мое и семейства, а потом про мою службу. Врать таким людям – все равно что самому себе отрубить голову. Я честно и рассказал, что вот уже месяц места у меня нет, шатаюсь по отделам с одного стола на другой, занимаюсь чем захочу... В ответ послышалось тихое «Не может быть» и от этого тихого, проникновенного голоса волосы зашевелились у меня на затылке и холодок пробежал по спине. Я попытался было успокоить его, смягчить рассказ, заверив, что все там делается, чтобы найти для меня стол и стул, но... в ответ послышалось, чтобы я все это занес в отчет и «спокойной ночи» и «всего хорошего», и трубку повесили.

Телевизор в комнате бубнил что-то неразборчивое. Я его, хотя и смотрю, но не вижу и не слышу. А зачем видеть и слышать что там говорят и показывают? Раньше говорили и показывали, что у нас все хорошо и ввали, потому что когда

становится хуже, то это совсем не хорошо. Но те, кто прилежно служил на благо общества, а таких было подавляющее большинство, если не верили, то очень хотели верить, что и в самом деле хорошо. А потом принялись показывать, что у нас все плохо и не просто плохо, а дальше некуда. Но люди продолжали жить, как и жили, не лучше, но и не так, как показывали, все-таки жили, а что там показывали и жизнью не назовешь, а потому все полагали, что это опять вранье. И тогда – вранье, и теперь – вранье. А раз вранье, то и живем мы, следовательно, приемлемо, и не хорошо, и не плохо – не так, как показывают. Ну и ладно. Главное, чтобы жили не хуже, чем соседи, а те не хуже, чем их соседи и так далее...

Я задумчиво опустил трубку со своей стороны, потому что слушать однообразные гудки не интересно, вздохнул тяжело, пригладил ладонью взъерошенные волосы и подумал, что отсутствие столов для таких, как я, тоже признак, характеризующий контору, и что Петр Степанович прав, и это нужно занести в отчет. Потом я встал и пошел опять на кухню, доедать что на столе осталось.

Вторая семья

На следующее утро, открыв дверь, ведущую с улицы внутрь конторы, первое что увидел – это двух работяг в робах.

Тихонько переругиваясь, они тащили по коридору широ-

кий стол. Я посторонился, пропуская людей, занятых хоть и примитивным, но полезным делом, и следом не пошел, хотя и знал наверняка куда они стол тащат. Пошел в ту комнату, где я арендовал другой стол, поменьше. Там уже крутился Богдан Осипович. Вид у него был какой-то скомканный. На его костлявой маленькой фигуре костюмчик сидел кривенько, галстук был повязан набекрень, седые волосы в беспорядке, глазки за толстыми стеклами очков нервно помаргивали и прыгали из стороны в сторону. Своим видом он напоминал воробья, которого бессердечный сторож выгнал с теплого чердака на холод, но на чердак еще вернуться можно...

– Александр... – начал он, кинувшись ко мне, как только я появился на пороге. – Ну, где же вы ходите?

– Так еще без семи минут, – спокойно ответил я.

– Собирайте вещи, вам, наконец, стол принесли. Давайте я помогу вещи собрать, – от такой услужливости я даже опешил. Кто ему позвонил, и во сколько это было, я даже предположить не мог, но чтобы выдернуть из привычного, почти летаргического состояния и заставить скакать вокруг меня, как заводного, этот звонок и голос в трубке должны были прозвучать в его сонной квартирке подобно артиллерийскому залпу. Он подскочил к столу, за которым я сидел, и начал сгребать в картонную коробку все, что лежало на поверхности.

– Это не мое... Это опять не мое... И это... кажется... не мое... – выкладывал я обратно на стол чужие вещи, оказав-

шиеся на дне коробки. – А вот эти туфли мои, я в них пере-
одеваюсь...

Богдан Осипович немедленно схватил мои «конторские»
ботинки, по ботинку в каждой руке, и побежал по коридору,
оставив мне коробку, и все что свалил в нее.

До самого обеда все в комнате, в той, где я должен был
сидеть по своему новому назначению, двигали столы из сто-
роны в сторону, пытаюсь в узком, замкнутом пространстве
выгородить себе местечко получше.

«Дед» сразу заявил, чтобы его не трогали, не позволил
разрушить свое паучье гнездо, воспользовавшись своим пра-
вом начальника указывать что и как делать. Все же осталь-
ные вежливо, но напористо, старались выпихнуть друг друга
в самое неудобное и не престижное место – в центр комнаты.

Во время этой игры столами в «пятнашки» я познакомил-
ся со всеми.

«Деда» я уже знал. Тетку, что сидела ближе всех к нему,
называли Аграфеной Фроловной – ну и имечко! Вначале я
подумал, что это прозвище такое, но, взглянув на тонкие
губы, образующие прямую, жесткую линию с опущенными
краями, на неприветливые глаза за стеклами очков, решил,
что именно так к ней и должно обращаться, любая шутка тут
будет неуместна. Да и шутить с ней как-то язык не поворачи-
вался. Впрочем, коль самого начальника звали Богданом
Осиповичем, то ничего удивительного нет в том, что его «бо-
евую подругу» звали под стать ему.

Парнишку, у которого я спрашивал, как здесь служится, все звали Юрочкой, а девушку, сидевшую рядом с ним – Юлечкой. Вот и все, что можно сказать о них – обыкновенные, заурядные служащие, непривлекательные, неинтересные при этом холодном неоновом свете, занятые неизвестно чем в стенах конторы, чья деятельность была под большим вопросом.

Впрочем, наверное, так и следует выглядеть в подобных местах. Ведь всем известно, что окружающая среда накладывает отпечаток не только на поведение, но и на внешность, потому что главное правило выживания – это не высовываться и не выделяться.

Может быть, вне этих серых стен они и яркие, веселые, симпатичные личности, но здесь сидят тихо, словно мыши, шуршат бумагами, высматривают что-то на экранах, да и движения такие же суетливые, настороженные – выбегут из комнатки на минутку, потом бочком протиснутся в дверь, чтобы не открывать ее настежь, а то еще, чего доброго, кто-нибудь посторонний заглянет сюда, и проскользнут обратно к себе за стол. Вытрут руки о платочек или маленькое полотенце и опять перебирают какие-то бумаги... Н-да, не весело...

Мне, в конце концов, и досталось то самое место в центре комнаты, к тому же стол поставили так, что я сидел спиной к двери – любой вошедший сразу же видел чем я занят. А и пусть, лишь бы ко мне в ящик не заглядывали, где лежал

мой блокнот, куда я заносил свои наблюдения, чтобы потом перенести все это в анкету-отчет.

Теперь мне не было нужды мыкаться по другим комнатам-отделам, хотя это и было любопытно – я поневоле познакомился почти со всей конторой. Пообщаться, конечно, ни с кем не получилось. Некоторые смотрели на меня глазами настороженными, а большинство так и вовсе не обращали никакого внимания – человек новый, чужой, как залетел случайно, так и вылетит. Когда приходил с утра, то, как и положено кидал в воздух энергичное «доброе утро!», часть бурчала в ответ «здрасьте...», другие, кинув в мою сторону взгляд, так и не удосуживались вообще что-то ответить – лицо незнакомое, случайное.

Теперь же все изменилось, теперь я буду приходить и здороваться вначале с Богданом Осиповичем, как и положено, первым делом с начальником, от которого кое-что зависит в моей жизни, а потом неопределенной фразой «добрейший денек» со всеми остальными, и у них не получится проигнорировать меня, обязательно должны, хотя бы, кивнуть в ответ, потому что я престал быть посторонним человеком, я стал частью этой «семьи», кого я буду видеть чаще и дольше, чем своих домашних. А им, моим домашним, на это и наплевать, лишь бы домой возвращался не с пустыми руками.

Дня два я просидел за своим столом, не делая ничего совсем, что называется, «ковырял в носу» день-деньской, хотя и не имею такой привычки заниматься этим ни прилюдно,

ни в одиночестве – предпочитаю высморкаться. Заодно изучал обстановку и своих коллег, с кем я теперь должен проводить большую часть времени, и на основании этого, и по прихоти Петра Степановича, ставших мне ближе моих родственников, но не дороже.

Собственно говоря, изучать там было нечего – все как всегда и как везде.

Все собираются в комнате с утра, досиживают до обеда, в обед разбегаются кто куда, потом приползают обратно, дремлют и расходятся по домам, чтобы выспаться как следует и на кровати, а не на стуле. Изредка «дед» приносит какую-нибудь бумагу и отдает ее, то одному, то другой, то третьей. Те изучают ее со всех сторон, потом звонят куда-то, уходят из комнаты за чем-то, возвращаются с чем-то, сочиняют ответ, отдают все Богдану Осиповичу, а тот уносит это из комнаты и, вернувшись, кряхтя, забирается в свой угол, закрывает глаза и проваливается в летаргический сон. Особенно тяжело даются ему подъем со стула и выход из-за стола после обеда, поэтому в это время его лучше не беспокоить, поскольку делается неприятно раздражительным и мелочным. В это время лучше всего обращаться к Аграфене Фроловне – она в курсе всех дел, дает на удивление разумные объяснения и указания, остальное же время занимается тем, что тянет из ящика стола толстую шерстяную нить, ловко накручивает ее на спицы – вяжет что-то яркое и длинное. Если же она не вяжет, то «висит» на телефоне и с тревогой в голосе выпра-

шивает как здоровье какого-то Ванечки и какой-то Сашеньки – внуков, как я понял. Как я и предполагал «дед» притащил ее из министерства, где они проработали счастливо и во взаимном понимании лет двести, не меньше – все это удалось определить по намекам и обрывочным фразам, какими они обменивались между собой.

Молодая женщина, на вид совсем еще девочка, по имени Юлечка, замужем. Судя по обрывкам разговоров по телефону и печальному виду, с каким она иногда приходит утром, отношения с мужем не очень, так себе... То ли гуляет молодец, то ли с норовом – там не разберешь, но живут в достатке – родители помогают, а родители – это папа, который работает в головной конторе на должности какого-то начальника, он ее сюда и пристроил.

Молодой человек, которого все, в том числе и я, называют Юрочка – сын шофера, что возит местного директора на служебной машине – должность не велика, но ответственная. Юрочка живет отдельно от шофера с какой-то девушкой, наслаждается романтическими отношениями, но внимательно следит за тем, чтобы эти отношения не переросли в нечто более серьезное, ответственное и с большими затратами.

Ох уж эти шофера и секретари... – особы, приближенные к самому ценному телу во всей конторе. По делу ничего ни сказать, ни ответить не могут, на это у них всегда готов один и тот же ответ: «Это не по моей специальности...», но очень, очень полезны в быту, особенно если нужно кого-ни-

будь пристроить на какую-нибудь небольшую должность или достать что-то в обход очереди.

И так, как мы видим, специалистов в области строительства того, чем занимается эта контора, в ближайшем моем окружении нет. За исключением, может быть, Аграфены Фроловны, которая, если не спрашивает о здоровье внуков, большую часть дня молчит, но стоит задать ей вопрос по делу, то обычно отвечает со знанием этого дела, что, откровенно сказать, приятно удивляет. Ну и ладно... Нет специалистов, так нет... А где они есть? Там где они имеются – там контор нет.

Занят делом

На третий день моего сидения за столом, физиономических исследований и чтения новостей из Интернета, такая попытка бездельем мне надоела, и я обратился к своему начальнику с просьбой дать какое-нибудь задание, от чего вид у него сделался грустный, а в глазах появилась тоска. Он несколько раз зачем-то дернул за «мышь», кинул на меня два быстрых, затравленных взгляда, словно хотел сказать:

«Вот... явился без приглашения, а теперь мучаешь меня. Недаром говорят, незванный гость хуже татарина. А ты и не гость вовсе, ты в наказание мне послан...»

Но коротко сказав: «Щас... Подумаем...», принялся рыться в ящиках стола, кряхтя и тяжело вздыхая. Не найдя

ничего подходящего, он подошел к шкафу и начал вынимать папки, одну за другой, листал подшитые бумаги, недовольно морщил лоб. Наконец извлек два листа и протянул их мне, вид у него уже был довольный.

– Вот, – пояснил он, – два письма, нужно ответить на них. Там что-то о поставке труб... кажется... Если будут вопросы, спрашивай у меня или у Аграфены Фроловны. Поможем чем можем...

Трубы так трубы, пусть хоть гробы – мне все равно. Я сел за стол и начал набрасывать ответ:

«... в ответ на ваш номер такой-то от такого-то числа извещаем, что...». Подумав немного, заменил слово «извещаем» на «сообщаем», «извещал» я на предыдущем месте службы. Чем там занимался? А как всегда – ничем...

После того, как письма были готовы, показал «деду», тот переложил их на стол Аграфены Фроловны, та в свою очередь сказала, что все нормально, и я с чувством удовлетворения от добротного исполненных профессиональных обязанностей отнес бумаги в курьерскую службу, где мне за время скитаний по чужим столам посидеть не удалось. На этом моя деятельность и закончилась.

Остаток дня провел, листая какую-то папку и поглядывая на Юрочку, а тот, не отрывая глаз от экрана компьютера, делал какие-то резкие движения рукой с зажатой в ней «мышью». Исходя из предыдущего опыта, я небезосновательно предположил, что молодой человек весьма плодотворно про-

водит время, стараясь изо всех сил перейти на следующий уровень в какой-то игре.

Вообще, компьютерные игры – это не такое уж и плохое использование вычислительной техники, потому что хорошие игрушки требуют и много памяти, и быстроту работы процессора и задействуют кучу дополнительных функций, так что техника используется достаточно полно, как и положено ей, чем набивать тексты писем или договоров, когда компьютер, образно говоря, спит и не делает почти ничего, как и человек.

А тут подошло время обеда. Богдан Осипович и Аграфена Фроловна ушли на перерыв вместе, как это они делали почти всегда, чтобы обсудить кое-какие дела и нового сотрудника, то есть меня. Ну и пусть «перемывают мне кости», так уж принято в любом коллективе. Нет ничего интереснее, когда весь день сидишь в четырех стенах, чем посплетничать по какому-нибудь поводу, а тут новый человек объявился – это не просто повод, это множество поводов. Откуда пришел? От кого пришел? Что от него ждать? Как он проявится в делах и, самое главное, в отношениях между теми, на кого уже и глядеть противно, потому что надоели и известны насквозь? Какую опасность он может принести с собой? Не болен ли он, вдобавок, чем-нибудь скверным?

Остались мы с Юрочкой вдвоем в комнате. Судя по энергичным, почти злым движениям руки, у него что-то там не получалось в той игрушке. Я и решил спросить его, не захо-

дя ни справа, ни слева, ни, тем более, сзади, а напрямую во что он там играет.

– А то скучновато тут у вас, – сморщил я нос и улыбнулся.

После моего вопроса он несколько напрягся, кинул на меня быстрый, настороженный взгляд, дернул пару раз рукой, один раз нервно ногой и нехотя сознался, решив, видимо, что от этого дядьки на рядовой должности ни какой опасности ожидать не приходится:

– «Режемся» тут в одну игру. Если хотите присоединиться, то могу написать, как найти ее на сервере.

– Пиши, – коротко сказал я и протянул ему лист бумаги. – И что, много там народу «режутся»?

– Да почти вся контора. Бухгалтерия да плановики не играют, но у них одни бабы – им это не интересно, у них другие развлечения. Богдану только ничего не говорите, – посоветовал Юрочка. – Он в это не влезает, потому что и знать не хочет, и лень ему по серверам шарить, – и вернул лист, где был расписан весь «путь» до игры.

Добравшись до заветного места в недрах центрального компьютера, я нашел не одну, а несколько игр – там были и карты, и «стрелялки», и «гулялки», и шашки, и шахматы, в которые мало кто играл в этом заведении – в общем, все, чтобы скоротать время на рабочем месте от аванса до зарплаты.

Спросите, указал ли я это в отчетах для Петра Степановича? Конечно! О чем речь? Я же не могу по-другому? Я же

человек честный... незатейливый...

И так, в трудах и заботах, в служении компании и заодно обществу, или тому и другому в одном лице, в строгом исполнении служебного регламента, в уважительном отношении к своему начальству и коллективу, в смирении, по крайней мере внешне, прошел еще один месяц, проскользнул почти незаметно, можно и так сказать.

Кроме этих, благородных по своей природе, основ моего поведения, была еще кровавая схватка с внеземными монстрами, где меня убивали столько раз, что и сосчитать сложно, но я возрождался и упорно продвигался дальше с одного игрового уровня на другой, была еще экспедиция за сокровищами, но игрушка мне не понравилась, потому что графика оказалась скучной и плохо исполненной. Еще я играл в шахматы с неким господином «УУ». Две партии выиграл он, одну я.

(Потом я узнал, что этот господин «два игрек» был не кто иной, как тот кадровик, который принимал меня на работу. Все таки, глаз у меня наметан на хороших людей. Он мне сразу понравился. Надо будет рекомендовать его Петру Степановичу. Свои люди везде нужны, без них жизнь проходит, словно на дне колодца – видишь кусочек неба, понимаешь, что там и солнце, и свежий ветер, и цветы, и поля, и моря, но подняться самому по скользким отвесным стенам получается не у всех, особой цепкостью должны обладать конечности.

Другое дело, когда тебе кто-то сверху конец веревки кинет, не для того чтобы ты повесился, а чтобы ползти наверх было сподручнее).

И дома отношения выправились — я же не бываю там почти целый день, а пятого и двадцатого на счет мне переводят обусловленную трудовым договором заработанную честно плату, ничуть не меньше, чем у тех строителей, что строят где-то там, на необъятных просторах.

Еще Петр Степанович подкидывает денежек каждый месяц пятнадцатого числа, но про это никто ничего не знает, особенно дома — это мое, это мой фонд на непредвиденные расходы, которые могут случиться в любой момент. Так уже было раньше — в трудное время, когда и помощи попросить не у кого, а все дружно отворачиваются и смотрят в разные стороны, но только не на тебя, вот тогда положиться можно лишь на то, что удалось сэкономить, а точнее сказать, что получилось спасти от безудержного желания растратить все и сразу, особенно если это заработано мной.

В конторе для меня придумали особенное задание — теперь я день за днем ворошу старые письма и докладные записки, свожу все это в таблицы, иногда очень длинные, и предаю их Аграфене Фроловне.

У меня возникло подозрение, что занятие это было придумано в какой-то из обеденных перерывов с одной лишь целью, чтобы я не болтался без дела, не ковырял в носу (привычки такой не имею) и не зевал, от чего я не мог удержаться,

даже тогда, когда начал вытаскивать старые папки из шкафов.

Богдан Осипович изредка клал на мой стол письма, на которые нужно было написать ответ, еще реже разные договоры, которые требовалось прочитать, найти в тексте несоответствия и вернуть ему с замечаниями. Замечания мои чаще всего касались странной лексики, используемой в тексте и становившейся общепринятой, что больше путала человека, чем разъясняла смысл, и грамматических ошибок, все это я отмечал на полях и возвращал договор «деду», чтобы, подавив зевок, плюхнуться к себе за стол, открыть для вида какую-нибудь пыльную папку, а в нижнем углу экрана очередную игру, и продолжить свою трудовую деятельность.

И так тихо, спокойно, почти сонно проходили дни за днями, так что и сказать, и написать про это было нечего. От этого вялого, унылого существования даже все чувства начали притупляться, мозг работал как-то медленно, словно барахтался в густом, вязком сиропе, а желание подремать не проходило ни утром, ни днем, ни тем более после обеда, только к вечеру, когда нужно было уходить домой, все начинали понемногу оживать и шевелиться чуть быстрее. Не хватало чего-то взрывного, чего-то броского, что взбудоражило бы, вызвало возмущение, негодование, злость, что бы запутало все так, что никто не смог бы разобраться, напустило бы туману, окунуло бы дела в такой беспросветный идиотизм, откуда выбраться не получилось бы ни самому, ни тем более с

чьей-нибудь помощью.

«Где же, где этот элемент?» – вяло размышлял я. – «Не может быть, чтобы такого здесь не было. Везде, где я работал, везде кто-то такой, а то и несколько экземпляров, присутствовало. Всю свою кипучую энергию, все свои жизненные силы они кидали на то, чтобы изобразить необыкновенную активность, деловитость, раскидывали направо и налево указания, устраивали каждый день совещания, проводили собрания, что-то постоянно организовывали, заставляли всех вокруг бегать, скакать, носиться с вытаращенными глазами, чтобы в конце получить результат... никакой... Запускают все так, что и черт не разберет. Но в этой мути как же они привольно себя чувствуют, как плавают во всю ее ширь, то ныряют вглубь, то поднимаются к самому верху. А причина этого? А причина очень простая – эти люди – лодыри до мозга костей, лентяи, каких еще поискать надо, но и одновременно завистливые и коварные типы, эгоистичные, самлюбивые, себе на уме. А тут я что-то таких не приметил, и это очень странно. Ничто здесь не тревожит поверхность пруда, и он зарастает и превращается в болото».

Недостающий элемент

Но однажды дверь распахнулась, и в комнату вбежал молодой человек, низенький, в очечках в металлической оправе, с плешинкой на макушке, с толстыми ляжками и круглыми

ми, выпирающими ягодицами, на которых фалды пиджака лежали под прямым углом. Энергично перебирая короткими ножками, словно курица, он пробежал через комнату, кинул на меня быстрый взгляд, замер на мгновение перед столом «деда» и, коротко сказав: «на пару слов», развернулся и выскочил в не успевшую закрыться дверь.

После этого стремительного появления и мгновенного исчезновения, все в комнате сонно захлопали глазами, Богдан Осипович, кряхтя и отдуваясь, полез из своего угла, с трудом передвигая онемевшие от долгого сидения ноги, поплелся к двери.

– Это кто? – спросил я голосом хриплым, словно после сна.

– Наше начальство, – пояснила Аграфена Фроловна, вытягивая из ящика стола длинный кусок шерстяной нити.

– Начальник нашего управления, – добавила Юлечка.

«Вот оно!» – подумал я. – «Вот он, тот самый яркий элемент, которого здесь так не хватало».

Встав со стула, я потянулся, закинув руки за голову, взял кружку, словно хотел ее помыть, и тоже вышел из комнаты. В коридоре никого не было, но из-за угла доносились голоса. Я подошел поближе, прислушался.

– Почему человека взяли без моего разрешения? – сказал голос с немного визгливыми интонациями.

– Сам не ожидал, – оправдывался «дед». – Кадры подсушили.

– Та-ак... Ладно... Сейчас с кадрами разберемся. Что за тип?

– Нормальный тип, – буркнул Богдан Осипович. – Не скандальный, спокойный, исполнительный... Обыкновенный...

– Ладно... Пойду в кадры.

Я тоже развернулся и пошел по коридору в противоположную сторону.

«Обыкновенный, значит», – думал я. – «Хорошо... А этот что так занервничал? Ему-то до меня какое дело? Посмотрим, как дальше все пойдет...»

Вернувшись в комнату, я с деланным равнодушием поинтересовался откуда этот юноша взялся, раньше-то его не видно было.

– А он всегда так, – ответил за всех Юрочка. – Два месяца здесь гоняет всех, а потом на две недели или дольше уходит на больничный. Возвращается с больничного загорелым и злющим, словно его там покусали.

– Кх, кх, – предостерегающе кашлянул в своем углу Богдан Осипович, и Юрочка сразу замолчал.

– А что-то я его раньше не встречал. Я тут уже третий месяц, а он объявился только сейчас... – с наивным видом спросил я. – занят был, наверное, очень?..

– Угу... Очень... – буркнул Богдан Осипович. – Месяц в отпуске, потом отгулы, потом то, далее се, да и курортный сезон заканчивается – пора, так сказать, и в гнездо возвра-

щаться.

— Понятно, — хмыкнул я, а сам подумал, что скоро, по-видимому, придется столкнуться с этим юношей.

Звали этого персонажа Михаил по отчеству Сергеевич. Такое широко распространенное сочетание имени и отчества лично у меня вызывает неприятные воспоминания о тех недалеких временах, когда все было какое-то смутное, неясное, непонятное и неустойчивое. Сейчас тоже не праздник, но тогда совсем все было плохо.

Был он родственником одного депутата, пользовался покровительством каких-то высоких начальников и наслаждался жизнью как мог и при любом удобном случае с окладом... когда Петр Степанович передал мне эти цифры, у меня глаза округлились от удивления, я даже задействовал калькулятор, чтобы повторно пересчитать, а то мог и ошибиться, прикидывая в уме — в пять раз. В пять раз больше денег получал он за свое безделье... Впрочем, какая разница, свое безделье, его ли, чужое ли — безделье есть безделье, чье оно — значение не имеет. Но столько денег платить!

Я мечтательно закрыл глаза, представив себе что мог бы купить, если бы каждый месяц такие суммы падали на мой счет: и то, и это тоже, и на гараж бы хватило, и съездить можно было бы туда, где на картинках изображен рай земной, и ... дома бы восприняли это, как мой успех в делах, и отношения перешли бы на новый, более приятный уровень... Э-э, что там говорить! Считать чужие деньги — занятие пустое

и раздражающее.

Нападение

С появлением этого молодого человека в конторе жизнь моя не очень и изменилась, несколько чаще стали появляться какие-то письма с туманным содержанием, да две новые таблицы приходилось теперь заполнять еженедельно и отдавать Аграфене Фроловне. Но вот Богдан Осипович теперь вылезал из своего угла по нескольку раз на день. Предшествовал этому, обычно, резкий, неприятный телефонный звонок.

«Дед» поднимал трубку, представлялся, слушал, иногда записывал, потом клал трубку на рычажок и, уныло опустив уголки рта, зачем-то смотрел на потолок минуту или две, затем, кряхтя, одевал ботинки, поскольку имел обыкновение сидеть за столом в носках, отдуваясь, вылезал из своего угла и, обращаясь к Аграфене Фроловне, говорил:

— Я к этому... Чтоб...

Аграфена Фроловна понимающе кивала и чуть ли не крестила его на прощание, когда он, ссутулившись, выходил из комнаты, словно шел на войну.

Все мы, подняв головы, провожали его взглядом, но лично мне его не было жалко. А что тут жалеть? Схлестнутся сейчас бестолковая суeta и сонное безразличие, кипятки и лед, и что в результате получится? Вода. Обыкновенная вода, бес-

полезная и никому не нужная, особенно сейчас, осенью, когда с серого неба так и хлещет мелкий, нудный дождь. Солнце проглядывает сквозь разрывы в облаках редко, да и светит теперь неярко, скудно, скользнет над крышами и спрячется. До лета далеко, и поневоле захочется морозца, чтобы остановить эту сырость. Ну а уж если морозец ударит, то и Новый Год рядом, а там и до Восьмого марта недалеко, и вот уже ручьи потекли, и жизнь опять покажется яркой и местами пряной. Нам бы лишь конец января и февраль осилить, преодолеть холода и темень, гололед и соль на тротуарах.

Но однажды «дед» вошел в комнату и не зашаркал к себе за стол как обычно, а подошел ко мне. Взглянул на меня печально и сказал:

– Иди, теперь тебя зовет.

Вначале я не понял про кого речь идет, но потом сообразил и пошел. А что мне еще оставалось делать? Человек-то я подневольный.

В указанную комнату вошел без стука. Просто открыл дверь и остановился на пороге. Осмотрелся. Комната большая, больше, чем наша, светлая, имеется стеклянная дверь – выход на балкон. У дальней стены стоят два стола, перпендикулярно один к другому, выставлены в форме буквы «Т». Это сюда «дед» бегают раз по десять на дню, даже чаще, чем в туалет. Это здесь проводятся совещания, когда юный «полководец» рассказывает своих «командиров» за столом напротив и раздает указания, от которых у «деда», насколько я су-

мел заметить, прогрессирует изжога, и он ложечку за ложечкой глотает соду, запивая чаем, что услужливо подает ему Аграфена Фроловна.

Вот так и выглядит в этой конторе гнездо самого главного путаника.

Много я повидал таких во время своих блужданий по конторам. У одного в шкафах были выставлены челюсти убитых им где-то в далеких морях акул, косвенно указывая всем на свою неприкосновенность и одновременно вольность, а с лица никогда не сходил ровный южный загар. Другой постоянно гремел посудой – как не войдешь к нему, видишь лишь спину и оттопыренный зад, а все остальное прячется за открытой дверцей шкафа, слышишь звон стекла, глубокий вздох, причмокивание, и затем уже не твердой походкой он идет к своему креслу, куда падает с довольной улыбкой и облизывает полные губы. Еще один был такой элегантный, всегда в хорошем костюме, усы пострижены аккуратно, по коридорам не ходил, а шествовал, ступал неторопливо, со всеми разговаривал ровно, никогда не повышал голос, не суетился, на губах играла снисходительно-высокомерная улыбка, и попасть к нему в кабинет получалось не всегда, очень часто дверь была заперта изнутри, а оттуда доносились женское хихиканье, постанывание и ахи... Еще один...

Да черт с ними со всеми. Все они, разнясь внешне, исполняли лишь функцию присутствия, надзора и принуждения, а функции управления и совершенствования в их понимании

сводились к трем предыдущим.

А теперь я в этой комнате... За одним столом, лицом ко мне сидел сам Михаил Сергеевич, но лица его не было видно, видна лишь плешь на макушке, смотрит в какие-то бумаги. За вторым столом боком ко мне сидела незнакомая мне грузная женщина и тоже перебирала листы бумаги. Когда я вошел, оба на мгновение оторвали взгляд от бумаг, посмотрели на меня и опять погрузились в чтение, только юный «полководец», взмахнув рукой, произнес:

– Проходите, садитесь.

Я прошел и сел напротив тучной дамы. Она улеглась на стол всей своей массивной грудью, опустила плечи и, нагнув голову, скользила взглядом по строчкам, не обращая на меня никакого внимания. Я сравнил ее с бугорком из жира и курчавых волос, из которого торчали короткие руки с толстыми пальцами в золотых кольцах и перстнях, одно кольцо даже было обручальным. Поскольку оба продолжали молчать и читать, я покрутил головой из стороны в сторону, заметил в шкафу, стоящему вдоль боковой стены, ряд фужеров и рюмок, а рядом с дверью притаился кожаный диван – похоже, обязательный атрибут всех начальников, подбирающихся к должности заместителя директора.

– Мы вас пригласили, Александр...

Я сразу же обернулся на голос и, с выражением готовности исполнить любой приказ на лице, замер.

– Мы вас пригласили... – начал опять юный руководитель,

не поднимая глаз. — Татьяна Марковна, а тут, кажется, опшибочка... Здесь должно быть семнадцать тонн, а у вас все двадцать...

Оба уставились друг на друга. Один смотрел через свои круглые очки в металлической оправе, другая выглядывала из под нахмуренных, выщипанных в тонкую линию бровей.

— Нет, Михал Сергеич, — уверенно заявила она голосом густым, немного с хрипотцой, голосом заядлой курильщицы, — я все пересчитала и девочки тоже... получается именно двадцать тонн.

Тот недовольно поджал губы, поводил пальцами по строчкам и кивнул головой, потому что пересчитывать самому, наверняка, совсем не хотелось.

— Хорошо, раз вы считали, то пусть будет двадцать, — и, не останавливаясь, сразу же обратился ко мне, словно я был продолжением этих таинственных «двадцати тонн». — Александр мы приняли решение перевести вас в отдел Татьяны Марковны. Богдан Осипович сказал, что вы недостаточно заняты у него.

«Вот, сволочь «дед», сдал... Избавиться решил, старый хмырь», — подумал я, а вслух сказал, голосом ровным, без напряжения:

— Ну, загрузка моя определяется им самим, так что с него и спрашивайте.

— Ну, это мы с него и спросим, — с хищными интонациями в голосе заметил Михаил Сергеевич, — а вам нужно будет пе-

рейти в отдел Татьяны Марковны. У нее много работы, нужно помочь девочкам.

Сидел я в этом отделе, когда стола у меня не было. Эти «девочки», которые не справляются и заняты дальше некуда, все предпенсионного возраста, гоняют бумаги между своими столами, как кот мышей, я так и не понял тогда чем они были заняты, а тут сама судьба посылает мне возможность разобраться в хитросплетении деловых отношений в этом отделе... Но... мне туда не хочется...

Подобные отделы с женским коллективом для таких, как я, хуже могилы. Лично я не понимаю собравшихся там женщин, что каждый день прибегают в эту контору, чтобы спрятаться от белого света в четырех стенах и убивать свое драгоценное время, перебирая бумаги, составляя таблицы, добывая какие-то цифры, раскладывая их, сводя и разводя их по таблицам... Похоже что дома их совсем не ждут... Либо очень ждут, но они спрятались за конторскими делами от домашних дел, что повсеместно считаются занятием однообразным, скучным, о которых говорят, что это рутина. И дома, следовательно, не кормлено, не готовлено, не убрано, и это вызывает у домашних постоянное раздражение, от чего тоже хочется сбежать – вот они и убегают.

Хотя, может, и нужда заставила кого-то из них пренебречь делами семейными и подзаработать, прислуживая в конторе, но тогда положение еще хуже.

А «вождь» девочек так и вообще деспот. Достаточно

взглянуть на ее мясистое лицо, с тонкими, вздернутыми бровями, словно она пребывает в состоянии постоянного возмущения, с маленькими кабаньими глазками, под тяжелыми веками с толстым слоем грима, с губами, что превращаются в нитку, когда ей что-то не нравится или, наоборот, распускаются, как мясистый цветок.

Такой человек привык властвовать в своем отделе с деспотической самоуверенностью, он не допускает и намека на неповиновение, там все делается в соответствии с ее распоряжениями, желаниями, понятиями и капризами. Перед всем, что не исходит от нее лично, дверь закрыта. Распоряжения руководства для нее святы и обязательны к исполнению, дальше она разбивает все эти приказы, распоряжения и указания на составные части, и части эти раздает своим «девочкам».

Все эти «девочки» изучены ею вдоль и поперек, кружатся над бумагами, как маленькие винтики и шестеренки в ее собственном механизме, и к определенному сроку каждая возвращает свой маленький результат, все это затем собирается в единое целое и отправляется наверх.

Прекрасно, скажете вы! Так и надо... Но я не хочу быть там ни маленьким винтиком, ни шестеренкой. Вот беда – не помещаюсь в «гнездо» отведенное ей под винтик или под шестеренку. Создала для себя царство внутри другого королевства, и сама же поверила в эту иллюзию, и никого даже близко не подпускает. Смотрит на свое творение изнутри, а

как оно выглядит снаружи – ей до этого и дела нет. Плевать, что выглядит оно убого и серо.

Однако, жизнь имеет одно свойство – она постоянно меняется, хочешь этого или нет. А любое новшество – для нее опасность, потому что сама она уже давно перестала учиться, и человека, приносящего с собой новые идеи, новые решения, разные усовершенствования, воспринимает, как разрушителя своей системы и претендента на свое место, а, следовательно, как врага. Вся ее система управления основана на простом правиле – подавляй любую инициативу, если она не исходит от нее самой и не приносит для нее лично никакой пользы. Сохранить свое начальственное место в отделе, а если и повезет, то подняться повыше – вот цель ее существования.

Но у нее на пальце широкое обручальное кольцо, которое она давно уже не снимает – кольцо по краям слегка закрыто кожей, оно как быросло в плоть... Вообще-то я не понимаю тех мужиков, что умудряются сосуществовать с такими женщинами. Может быть в семейном кругу, у домашнего очага, так сказать, что по нынешним временам имеет форму кухонной плиты, она превращается в ангела, существо любящее, нежное, послушное, но... лично я сомневаюсь. У меня-то подобные представительницы противоположного пола ничего, кроме отвращения, не вызывают, и скрывать я это не собирался, а она мои негативные флюиды уловила, и поэтому антипатия была взаимной.

Я немного знаком с женской натурой, поскольку был женат два раза, и один из них продолжается до сих пор, и могу сказать, что в основе такого поведения, как правило, лежат две черты человеческого характера: лень и практичность. Да, вот такое странное, на первый взгляд, сочетание лени и практичности, что соединяясь в разных пропорциях лежит в основе поведения, называемого «женской логикой», над которым некоторые, примитивно мыслящие граждане, имеют обыкновение посмеиваться, а не следует, нужно наоборот приглядеться повнимательнее, поизучать поближе, может чему-нибудь и научатся.

И вот в это место хотят меня переложить, словно я вещь какая-нибудь, не поинтересовавшись ни что я умею делать, ни чему я обучен, ни чем бы хотел заняться – просто перебрасывают с одного участка фронта на другой, словно идет война. Ну, про «фронт» – это я погорячился, но все равно неприятно.

И что меня там может ожидать, исходя из моей теории про лень и практичность? А то, что все мелкие дела, что звучит несколько странно, если принять во внимание чем они там вообще заняты, будут переложены на меня, как на «элемент с невысокой загрузкой», и мне придется заниматься черт знает чем. И стоило ли для этого учиться, сдавать экзамены, хоть это и было так давно, что и вспоминать тяжело, делать какую-то карьеру, стараться, надрываться, чтобы вот так, попав между этими двумя типами, превратиться в веник, ко-

торым будут выметать всякий мусор? Для меня ответ ясен.

И еще там будут следить за каждым моим движением, за каждым шагом, поскольку я единственный представитель противоположного пола, раздражающего своей непокорностью. Будут за моей спиной обсуждать в чем я пришел, как и с кем говорил, как выгляжу, как пахну, как ботинки шнурую, почему под глазами мешки или синяки, почему лицо опухшее – пьет, наверное, стервец, почему здороваюсь не так или совсем не здороваюсь... и это не один день или неделю, что можно перетерпеть, это день за днем, месяц за месяцем, а если Петр Степанович не примет никакого решения, то я вынужден буду сидеть там год за годом, и начальником, распоряжающимся мной, словно вещью, и моей жизнью заодно, будет вот эта бабища, от которой меня уже тошнит – тиран в юбке.

А хуже всего – это когда они, ее «девочки», вдруг ни с того ни с сего захотят взять надо мной шефство, начнут любезничать, обхаживать, как единственного представителя слабой и не долго живущей половины рода человеческого – вот тогда мой удел – импотенция. А мне оно надо?

По сравнению с ней Богдан Осипович и Аграфена Фроловна просто ангелы, старосветские помещики, добрейшей души люди, сонные либералы, за чьей спиной можно спокойно заниматься своими делами и не переживать особенно, что за это последует наказание.

А этот... хлыщ плешивый – ему что семнадцать тонн, что

двадцать – на все наплевать, у него, наверняка, все мысли в голове сейчас выются как бы в постель к какой-нибудь девке нырнуть или какого цвета панталоны взять с собой, когда в очередной раз «сорвется» и убежит на юга.

Нет! Мне такого не надо. Придется отбиваться. А как от них отобьешься? Это же не высокообразованные, тонко чувствующие собеседника интеллигентные люди, это хамоватые, упрямые, жадные, наглые представители рода человеческого, уверенные в том, что их положение в этой конторе позволяет им распоряжаться чужим временем, а значит и жизнью, по собственному усмотрению, и что они там присмотрели для меня, мне даже и знать не хочется. Придется бороться с ними их же оружием – наглостью и хамством – тут главное заветную черту не перейти и не опуститься до рукоприкладства...

– А чем, позвольте узнать, мне предстоит там заниматься? – спросил я голосом мягким, но внутренне уже напрягся и большой палец правой ноги сжал изо всей силы – это простой и проверенный способ перенаправить волны раздражения и злости с лица на ту часть тела, которую не видно.

– Нужно заняться обзвоном филиалов, собирать данные о продажах и поставках.

– Не понял... Каким-таким обзвоном? – удивленно переспросил я.

– Нужно будет звонить в филиалы в отделы поставок, – уверенно ответил Михаил Сергеевич, успокоив меня, а то я

подумал было, что слышать стал плохо.

– Да, ладно, – хмыкнул я. – Шутите!

– Нам не до шуток, – мрачно добавила Татьяна Марковна.

– Я это заметил... Но таким способом информацию собирали, насколько я помню, лет сто назад, когда, кроме телефона, никаких других средств связи не было.

– И что? – с вызовом в голосе спросил Михаил, который Сергеевич. Недаром я не люблю людей с таким именем – у них в голове кроме путаницы ничего нет.

– Нет... Ну, если вы промышляете здесь такими древними способами сбора информации, то, может быть, и тайно абортами занимаетесь?

– Что? – в один голос взвизгнули они.

– Вы глухие или пьяные? – продолжил давить я.

– Что? – опять завизжали они.

– Да, похоже, что глухие. Нет, – твердым голосом произнес я, – меня это не устраивает. Поищите кого-нибудь другого. Секретаря себе наймите, пусть он и звонит, – и, с деланным безразличием, задрав глаза, начал изучать потолок.

А там две мухи бегают, одна вокруг другой, и так ловко у них это получается, да еще и вверх ногами, что залюбуешься, ну я и смотрю туда, глаз не опускаю. Но вот одна муха сорвалась и полетела куда-то. Вторая остановилась, посчитала, наверное, что в одиночку бегать скучно, оставила пару бурых точек, с довольным видом потеряла лапки и тоже полетела. Ну, как мухи разлетелись, я и опустил глаза, чтобы увидеть,

как у моего молодого начальничка от злости оправа на очках чуть не дымится. Татьяна Марковна тоже перестала шуршать бумажками и вытаращилась на меня с таким же злым видом, улеглась на стол всей своей грудью и толстую шею свою вытянула настолько, насколько это у нее получилось.

– Это вы что же, отказываетесь исполнять наши распоряжения? – прошипела она.

– Именно, – подтвердил я ее опасения.

– Так мы можем и заставить, – змеиным голосом поддержал свою сотрудницу юный руководитель.

– А и пробуйте на здоровье, – небрежно махнул я рукой, хотя было сильное желание размахнуться пошире.

– И потом... там у них в отделе шесть человек, не считая вот этой гражданки, – я небрежно кивнул головой в сторону тетки, а у той даже кудряшки на голове встали дыбом от такой наглости. – Если вы вдвоем, – я вначале взглянул на молодого руководителя, ставшего почти бурым от еле сдерживаемой злости, а потом на его подчиненную, что также напоминала перезревший помидор, готовый лопнуть, и продолжил свою мысль, – не умеете организовать своих людей, в таком количестве, чтобы отдел справлялся со своими обязанностями, то вам лучше уволиться, обоим и сразу. Все равно уберут за неисполнительность и низкую квалификацию.

И еще раз обвел их многозначительным взглядом, а те сидели напротив, словно замороженные, и не знали как на все это реагировать – бунт на корабле для них, по-видимому, яв-

ление новое – один кривил рот в какой-то зверской усмешке, а вторая сжала губы так, что их не стало видно совсем. И кто это у них бунтует? Какой-то...

И вот тут-то у этих двух типов и сработал инстинкт самосохранения.

А и в самом деле, кто? Кто это такой, что так нагло посылает их куда подальше? Откуда он здесь взялся. С улицы сюда не набирают, бродяг здесь не бывает. Появился откуда-то – откуда неизвестно. Никто про него ничего не знает, не ведает. Сидит себе у Богдана тихо, смирно, копошится потихоньку, и кто знает что за люди стоят за ним, если он так ведет себя? Может не стоит теревить его. Не тронь и вонять не будет...

Оба они переглянулись и замолчали, а я посидел, посидел, вижу, что дело, вроде, решилось, а общество их меня не устраивает, тяготит, встал и спросив напоследок:

– Как я понял, абортами вы здесь не промышляете... А зря, говорят прибыльное дело... Ну, тогда, всего хорошего, – развернулся и пошел к двери. В ответ ни звука, а я даже оборачиваться не стал, чтобы кинуть прощальный взгляд на их физиономии.

Смешно?

В отдел я вернулся в отвратительном настроении. Молча шлепнулся на свой стул и с рассеянным видом стал перекладывать карты на экране компьютера и не заметил, как ко мне сзади подкрался Богдан Осипович.

– Что этот хотел-то? – спросил он, как будто и сам не знал.

– Кто? Этот... – переспросил я, затягивая паузу, чтобы придумать что-нибудь злое и ядовитое, но в голову ничего не лезло, и я сказал первое, что на ум пришло:

– А ничего не хотел. Поболтали, и на этом все закончилось.

Но на этом все не закончилось. Болтун очень скоро дал о себе знать.

От идеи засадить меня за телефон мои новые «друзья» не отказались, побежденными себя не признали и решили нанести удар с фланга, точнее сказать с угла, где «дед» сидел.

На следующий день, точнее сказать – утро, телефон на столе у Богдана Осиповича заверещал как-то особенно мерзко. Тот поднял трубку и пару минут молчал, потом сказал «понял» и закричал, доставая из под стола ботинки.

– Я к этому... Чтоб ему... – сообщил он Аграфене Фроловне, та кивком благословила, и он зашаркал к двери.

Вернулся «дед» через час. Вид у него был такой, словно его обвинили в измене Родине и приговорили, но при этом все знали, что он, как всегда, ничего не делал, никому не изменял, сидел себе в углу и мирно дремал.

Войдя в комнату, он нехотя подошел ко мне и встал сбоку. Я сразу понял, здесь как-то замешан вчерашний разговор.

– Александр, – начал он издалека, – на наш отдел только что «навесили» еще одну функцию, – добавил он похоронным голосом. – Теперь нам надо будет звонить в филиалы и

собирать с них цифры. Он, – тут «дед» зачем-то покосился на дверь, – поручил это мне с тем, чтобы я перепоручил это вам, а сам я должен все контролировать.

«Обошли, все-таки, стервецы. Нашли лазейку. Упрямые черти. Их бы упорство да в нужном направлении применить... Жаль, никто не знает про это направление, даже неизвестно в какую сторону смотреть... А ты сам, «дед», виноват! Зачем вчера рассказал этим придуркам, что я слабо загружен. Вот, теперь и получай!» – но вслух ничего этого не сказал, а лишь послушно кивнул головой. А что мне еще оставалось делать? Начать возмущаться и лишиться последней поддержки и спокойного уголка, чтобы меня похоронили среди «девочек». Оно мне надо? Здесь я уже «присиделся», пригрелся, со всеми перезнакомился и притерпелся, да и ко мне попривыкли. Зачем это разрушать? Зачем это менять? Работа, конечно, идиотская, никакой подготовки, никакой квалификации не требует, но это лучше, чем ничего, и лучше, чем сидеть под совиным взглядом той гражданки... Как ее?... Татьяны Марковны... Ладно, потерпим... Стерпим еще раз... Что нам, конторским рабам, сделается? Шкура-то уже дубленая, после всего, что вытерпел в других, похожих, местах. Главное, чтобы пятого и двадцатого... и чтобы не дергали без повода и по поводу тоже...

По этому поводу в заветной папке с отчетами добавилось сразу несколько листов. Там уже было листов двадцать – больше, чем обычно я собирал при похожих обстоятель-

ствах. Можно было папку уже сдавать Петру Степановичу.

Осада

Не так все грустно... – это присказка такая. Лживая.

На самом деле все очень даже печально.

Между этой конторой, где день за днем я прозябаю в безделье, и домом, где без денег меня совсем не ждут, я ощущаю себя словно в подводной лодке на бесконечной глубине, так что иногда наваливаются такие приступы клаустрофобии – сердце сжимается от неприятного ощущения страха, такое гнетущее чувство, словно что-то нехорошее должно произойти или уже происходит. И избавиться от него не получается.

Так может продолжаться день, два, потом проходит само собой и все, вроде бы, и нормализуется. Вроде бы...

На самом деле ничего не нормализуется, все только ухудшается, потому что время уходит, день за днем жизнь сокращается, а на простой вопрос: что дальше делать? ответа как не было, так и нет. Вопрос-то простой, но конкретного, точного ответа на него у меня нет, и чтобы найти этот ответ, нужно, прежде всего, разобраться с самим собой, понять самого себя, а для этого нужно остановиться, нужно перестать бегать с утра в одно бесполезное место, а вечером возвращаться в другое. Остановиться и передохнуть...

Но такого поведения мне никто не простит: ни те, кто ра-

ботой снабжает, ни дома.

Может быть, поэтому и страх гложет. Одному-то везде страшно.

И я стал звонить туда, куда и сам не знал. Люди с той стороны выслушивали меня молча, внимательно – все-таки человек звонит из центра, а оттуда кроме неприятностей ничего никогда не приходит – слушали и потом говорили, что у них никаких цифр нет и требовали официальное письмо. Я отвечал «хорошо», вешал трубку и, обратившись к Богдану Осиповичу, предавал их просьбу. Тот говорил «ну и пиши». Я писал, он подписывал, бегал куда-то за другими подписями и письмо отправляли.

Ну, чем не развлечение для рядового состава? Звоню, пишу, цифирки какие-то собираю в таблички – чем не работа, чем не занятие для человека в расцвете своих творческих и физических сил?

А тут новая напасть...

«Дед» как-то явился оттуда, опять встал рядом с моим столом и сказал:

– Александр, – я весь напрягся, – нужно съездить в командировку.

– Куда? – спросил я.

– В Северо-Восточный филиал.

– Зачем?

– Отвезти им письма...

– Не понял... Какие письма... У нас почта, что, не работает?

– Я сам не понял, – сознался Богдан Осипович. – Но он, – тут «дед» покосился на дверь, – требует, чтобы вы отвезли их лично.

– Так я не курьер и не гонец, – не выдержал я и возмущился совершенно справедливо. – Может мне и лошадь для этого он даст из собственной конюшни, а? Это сколько денег будет стоить отправить человека за тысячи километров с двумя листам бумаги? Билеты, командировочные, гостиница и так далее? Он же там, вообще перестал думать? Амбиции весь мозг изгрызли?

«Дед» смущенно пожал плечами и, ссутулившись, поплелся в свой угол.

А я этим же вечером договорился с Петром Степановичем о встрече и предал ему папку, где уже было не двадцать листов, а тридцать.

Хватит терпеть! Пусть решение принимают...

А если решат, что все это нормально и их удовлетворяет, что тогда? В петлю, что ль? Мотаться по командировкам из-за капризов какого-то малолетнего деспота-администратора?

Господи, помоги!

Прошел месяц. В командировку я не поехал: в отделе кадров посчитали такую командировку ненужной, а в бухгалтерии заявили, что на подобные «вояжи» у них денег нет. Ред-

кий случай, когда здравый смысл возобладал. Чаще случается наоборот.

И вот, как-то, уже под конец зимы, когда ночь, зимняя ночь, кажущаяся бесконечной, потому что утором еще темно, а днем, сидя в четырех стенах, света белого не видишь, а выйдя из конторских опостылевших стен на морозный, терпкий воздух, видишь, что уже стемнело, начала укорачиваться и снег стал темнеть с той стороны, куда на него падали солнечные лучи (днем, конечно же, не ночью), а на асфальте появляться лужи, подернутые тонкой ледяной корочкой, и городские больницы начали заполняться несчастными, кто, замечтавшись, наверное засмотревшись на клочок неба за крышами, поскользнулся на этом свежем льду и ударился со всего размаху о промерзший асфальт, на столе у «деда» зазвонил телефон. Звонил он как-то невнятно, глуховато. Богдан Осипович осторожно поднял трубку, словно это была змея, поднес к уху, держа на некотором расстоянии, и произнес:

– Але...

После этого замолчал, потом привстал со стула, как был в одних носках, и резанул:

– Слушаюсь! Сейчас передам!

И аккуратно, почти нежно положил трубку на рычажок.

– Тебя директор к себе вызывает, – хриплым голосом сказал он.

– Меня? – каркнул я в ответ и на всякий случай оглянул-

ся – может там, за спиной у меня, еще кто-то стоял, но там никого не было.

– Да, тебя... Иди...

Я глубоко вздохнул, медленно встал, обвел присутствующих печальным взглядом, словно видел в последний раз, те тоже смотрели на меня с сочувствием, накинул пиджак, поправил галстук и вышел из комнаты.

Хорошо поговорили

Секретарша подняла аккуратную, милую головку на высокой шее, бегло взглянула на меня и, опустив глаза, продолжила разбирать бумаги и спросила холодно:

– Слушаю...

– Меня Владимир Иванович вызывал, – пролепетал я, останавливаясь в метре от ее стола и робко переминаясь с ноги на ногу.

– Фамилия...

Я назвал. Она открыла небольшую книжицу, провела пальцем сверху вниз, до самого нижнего края.

– Вы записывались на прием?

– Нет... Но мой начальник, Богдан Осипович... – я чуть не ляпнул «дед», но вовремя сдержался, – передал, что директор хочет видеть меня по срочному делу.

Хорошенькая головка отложила бумаги, подняла трубку, нажала верхнюю клавишу на аппарате и спросила:

– Владимир Иванович, тут к вам... такой-то... говорит, что вы его вызывали по какому-то срочному делу... – молчание, кинула быстрый взгляд поверх моей головы, потом взгляд скользнул на мое лицо, и дальше вниз до самых ботинок и уполз на соседнюю стену. – Поняла... Хорошо... – опустила трубку и сухо произнесла:

– Проходите... – словно часовой на посту, поднявший шлагбаум.

Ох уж эти секретари и секретарши – особый сорт людей, особая каста, чья задача прислуживать высшему конторскому сословию. А что значит прислуживать? Даже не служить, а именно прислуживать. Лично для меня подобный вид деятельности или времяпрепровождения совершенно невыносим. Для меня очень сложно быть внешним, наружным, так сказать, продолжением того, кто постоянно прячется за закрытыми дверями, ни с кем в конторе не общается, ведет какую-то скрытую жизнь, очень часто таинственную, с точки зрения сидящих за столами в тех же пределах, и о ком говорят чуть ли не шепотом, иногда оглядываясь – не моё это, но...

А интересно, она спит с ним?... Судя по хорошенькой головке, то не без этого. Ну, да это их дело... Мне-то что с того? Не суди, да не судим будешь – поговорка хоть и ветхая, но всегда оставалась актуальной и таковой останется до конца света.

Быть прилежным и услужливым, всегда наготове испол-

нить чуть ли не прихоть начальника, служить не в соответствии с абстрактными обязанностями, как я, например, и как остальные, а служить именно тому человеку, кто сидит за тяжелыми дверями, знать про него все... ну, или почти все... быть в курсе всех его дел... ну, или, по крайней мере, большинства дел... чутко улавливать его настроения – для меня это очень сложно, практически невыполнимо, я не могу, не умею быть настолько преданным, не могу даже изображать преданность такого уровня и глубины день за днем, месяц за месяцем, из года в год, не смогу, у меня так не получится, рано или поздно у меня вырвется заветное: «А не пошел бы ты!...»

На такую работу берут людей особенного склада. Нет! Идут-то все, не все выдерживают испытания, не все остаются и не всех оставляют. Хорошего секретаря очень трудно найти. Их терпеливо выращивают, их приучают к себе, иногда их дрессируют, и почти всегда таскают за собой как... как...

Тут я подошел к массивным дверям и несколько раз костяшками пальцев, достаточно громко, чтобы стук был хорошо слышен с той стороны, поскольку, как я предполагал, от двери до директорского стола не менее десяти метров покрытых ковром с отличным, шерстяным ворсом.

Приоткрыв дверь, я робко протиснулся в образовавшуюся щель. Стол и в самом деле стоял далеко, метров за семь, восемь.

– Разрешите? – пролепетал я.

Человек за столом вскинул голову, швырнул в мою сторону быстрый взгляд и, уткнувшись снова в какую-то бумагу, произнес достаточно громко:

– Входите...

Я прошел по ковру, где ноги мои буквально утопали в мягком ворсе. Шаги были бесшумные, легкие – ворс приятно пружинил под ногами.

«Где они берут такие ковры?» – думал я. – «Мы, вот, с женой не могли найти себе ковер в течение нескольких месяцев, хоть и объехали почти все магазины. Одна синтетика, либо цвет и рисунок такие, что на огороде расстелить стыдно и противно будет, не то что в доме. Наверное, все хорошие ковры сразу же раскупают такие конторы, как эта. А контор таких в этом городе... Вот и не остается ковров для людей простых, как я».

Размышляя таким образом, я подошел, чуть ли не на цыпочках, к столу и сел на один из стульев, что по обыкновению стоят парой, друг напротив друга. Сел на краешек, держа спину прямо, голову высоко подняв.

Человека, сидящего за этим широченным столом с противоположной стороны, одетого в дорогой темно-серый костюм, я видел вот так, вблизи, второй раз в жизни. Первый раз – это было на праздновании Нового Года. Тогда для всей конторы был снят один из ресторанов. За столиком мы сидели вчетвером – я, Юлечка и еще какие-то две женщины, совсем мне незнакомые.

Директор тогда поднялся на сцену и поздравил всех с Новым Годом, потом пошел по залу, к нему сразу присоединился тот грузный гражданин из отдела безопасности, кто ездит при помощи «корочек» по встрече и зачем-то следовал на шаг позади. Оба начали подходить к разным столам и поздравлять сидевших за ними. Точнее сказать, поздравлял только директор, второй стоял рядом, молчал, по-бычьему наклонив бритую голову, и сонно моргал маленькими глазками. Не ко всем, конечно, столам подходили, маршрут был витиеватый, шли они сложным зигзагом, но, в конце концов, подошли и к нам.

Я сразу же поднялся со стула, чтобы поприветствовать начальство, как и был обучен – младший сотрудник приветствует старшего стоя. Юлечка зачем-то встала тоже, хотя ей, как женщине, было позволено сидеть – дурной пример заразителен. Но гражданин директор расположился таким образом, что смотрел на тех женщин, а к нам остался стоять спиной, и между нами и «родным» директором еще втиснулась широченная спина с щетинистым затылком в складочку ответственного за безопасность, частично лишив удовольствия лицезреть «людิมое» начальство с близкого расстояния. Мы с Юлечкой смотрели на эти спины и робко улыбались, не решаясь даже пошевелиться. Директор начал поздравлять... «представителей главка в лице таких очаровательных дам, как ...».

К нам он так и не повернулся лицом. Закончив поздрав-

лять, он сделал шаг в сторону и пошел дальше. Широченная спина, тяжело ступая, послушно последовала за ним.

Я сел на стул, Юлечка села следом. Я налил себе и коллеге шампанского, бокалы тихонько звякнули, мы выпили, потом принесли винегрет и оливье, и праздник покатился дальше своим чередом. Мы продолжали улыбаться, потому что по-другому нельзя вести себя в Новый Год, но на душе сделалось скверно. Очень неприятный осадок остался. Создалось такое впечатление, будто нас вовсе не было, словно мы не существовали, что мы, рядовые сотрудники, настолько мелкие и незначительные личности, и нас даже не видно вовсе, по сравнению с теми женщинами из какого-то главка, хоть все и сидели за одним столом.

Вот я теперь сижу напротив него, растянул губы в заискивающей улыбке, рассматриваю начальство с близкого расстояния.

Ничего дядька, симпатичный, в годах. За пятьдесят будет. Волосы с проседью, стрижены ежиком, брови густые, твердый подбородок... Второго подбородка пока не видно. Но черты лица какие-то невнятные. Нос прямой, а на конце «картошка». Глаза маленькие. Вокруг глаз мелкие морщины, сеточкой. Лицо как лицо. В толпе встретились бы – прошел бы мимо, даже не посторонился. По привычке попытался сравнить его с кем-то, чтобы найти хоть какие-нибудь аналогии с уже знакомым мне характером, но ничего в голову не приходило. Похож на какого-то актера, но на какого

не помню... Да и актеришки эти все время лицедействуют, изображают кого-то другого, а сами кто такие? Кто бы знал.

Наверное, поэтому, что такой невзрачный, не оригинальный, его и посадили на это место – хороший исполнитель без фантазий и административных выкрутас.

– Это ваших рук дело? – вдруг спросил он и, взмахнув ладонью, кинул мне через стол лист бумаги, что, скользя по воздуху, лег передо мной наискосок. Нагнувшись вперед, не дотрагиваясь до бумаги, словно она была пропитана ядом, я прочел первые строки:

«... приказ об упразднении административного отделения предприятия...»

Дальше читать не стал. Спину расслабил, сел посвободней, оперся о спинку стула.

Но как!.. Как он «вычислил» меня?

Не спрашивая разрешения, я встал, подошел к окну. Стоял некоторое время молча, смотрел на улицу, покачивался на носках.

– А вид-то из вашего окна такой же скучный, как и у нас, – заметил я. – Одни лишь крыши. Ряд за рядом. Словно в этом городе без крыш обойтись нельзя. Ни парков, ни скверов. Одни лишь крыши...

Потом повернулся и пошел к одному из шкафов, растянувшихся вдоль стены напротив окна. Все витрины были заняты книгами по юриспруденции и администрированию, которые никто оттуда никогда не доставал, а может это были

лишь корешки, наклеенные на фанеру – этакий дизайнерский прием. Не спрашивая позволения, открыл одну дверцу. Там были выставлены отмытые до блеска стаканы, фужеры и рюмки.

– А бар у вас где? – спросил я холодно, не смотря в сторону стола.

– Ниже, следующая дверца, – услышал я спокойный голос.

– Коньячку надо выпить или водочки... А то съел что-то в этой заводской столовке, теперь живот крутит, а хороший коньяк снимает эти неприятные симптомы. Вы же не едите там, со всеми. И не знаете чем кормятся ваши сотрудники в обед. Н-да...

Я налил себе в стакан из какой-то бутылки с большой этикетки, даже не разбирая, что там было написано – плохих напитков в этом месте держать не будут. Отошел от шкафа и пошел не к столу, а к широкому кожаному дивану, напротив которого стоял низкий журнальный столик. Расстегнул пиджак, сел, закинув ногу на ногу.

– Что вы там сидите, Владимир Иванович, идите сюда. Поболтаем. Не прячьтесь за столом... Идите, идите. Все равно, очень скоро кабинетик придется освободить. Не таитесь...

Директор, откинувшись на спинку кресла, молча сверлил меня черными глазами, похожими на два ствола. Но все же послушно встал, подошел к дивану и сел с противоположного края, подальше от меня.

Подчинился... надо же – вот это интересно, а поче-

му? Давно ожидал такой развязки, а потому подготовился, подыскал себе новое местечко? Наплевать на контору и давно уже собирался уйти? По природе своей человек гибкого, услужливого поведения, можно сказать бесхребетный? Вот это вряд ли. Любопытно, очень любопытно.

– Себе не нальете?

Он отрицательно покачал головой.

– Ну, не хотите, как хотите, а я выпью, – я сделал глоток, и обжигающая струйка скользнула ко мне на дно желудка и все бормотание, все водовороты там, внутри, сразу же остановились. Почувствовав себя свободней и лучше, я продолжил:

– А как вы меня вычислили, Владимир Иванович?

– Сталкивался с подобным раньше, – буркнул он, вскинув брови.

– Та-ак, – протянул я и сделал еще один глоток, – «тертый калач» получается...

После этих слов он напрягся, хотел ответить что-то резкое, но промолчал.

«Умеет сдерживаться – это хорошо. Приятно иметь дело с человеком сдержанным, размышляющим, а не истериком, который вопит, не понимая сам что говорит, лишь бы надавить, лишь бы раздавить, лишь бы показать что он выше, сильнее, лучше, чем ты... Но на Новом Годе стоял спиной ко мне... Сволочь, получается...»

– Значит, сталкивались... И, все равно, ведете дела по-старому... Как и в прошлый раз...

Директор продолжал молчать, сидел напротив с каменным лицом, взглядом шупал ковер.

– Хороший ковер, я уже оценил, – ухмыльнулся я. Он вздрогнул и криво улыбнулся. – Можете не отвечать, если нужно – я все равно узнаю. Просто, зря вы сказали про «прошлый раз», – тут он вскинул на меня глаза и во взгляде я заметил легкий испуг. – Значит, уже попадались и выводов не сделали. О таких вещах нужно помалкивать. Никто не тянул вас за язык. Помните, как эти полицейские орут во всех американских фильмах: «... и каждое слово, сказанное вами, может быть истолковано против вас...» или что-то в этом духе. Не помните точно?

Он отрицательно покачал головой.

– Ну и ладно, – небрежно махнул рукой я.

– Пожалуй, я тоже налью себе, – он тяжело поднялся с дивана, опираясь рукой о широкий подлокотник. – Вам повторить?

– Спасибо не надо.

Подойдя к шкафу, он довольно долго гремел стеклом, потом вернулся с широкой коньячной рюмкой заполненной наполовину жидкостью цвета темного янтаря. Сел опять на свое место. Пригубил.

– И вам не стыдно, – неожиданно произнес он. У меня от удивления глаза округлились. Надо было соглашаться на выпивку.

– А почему мне должно быть стыдно, позвольте узнать,

любезный Владимир Иванович.

— Благодаря вашей, в кавычках, деятельности, столько людей останутся без работы.

— Моей?.. Понятно... — я поджал губы. Видимо этот тип все-таки крепкой феодально-райкомовской «закваски». Видимо его уже ничто не исправит. А можно ли, вообще, исправить человека. Загнать его в тупик и превратить в чудовище — сколько угодно, но сделать из него что-то лучшее... такого я что-то не встречал. Человек сам из себя ничего сделать не может, пока обстоятельства так не сложатся, что по-старому жить не получится, пока не потребуются что-то менять и в себе, и вокруг себя. Вокруг себя менять-то быстрее и проще, очень часто оно меняется само по себе, без нашего участия, но вот внутри себя... внутри почти никогда ничто не меняется — со всеми своими «да» и «нет», «хочу» и «не хочу», «нравится» и «не нравится» так он, человек этот, и ползет на кладбище.

В поведении своем, во внешнем виде что-то иногда меняет, чтобы легче стало выживать, чтобы приспособиться получше к изменчивой окружающей среде, и выдает это на публичке за удивительное перевоплощение, за необыкновенную работу силы воли, за огромный труд над самим собой, но рано или поздно его «я» все равно выползет на поверхность, как червь, которому надоело сидеть внутри яблока, и он поднялся наверх, чтобы подышать свежим воздухом, а потом опять уйдет внутрь, в свою норку, но не наружу, не на новое

место. Так и здесь, ведь «били» его уже, а он все такой же, все делает, как и делал... или не делает ничего, как и не делал.

– То есть, вам самому за ваше безделье не стыдно, а мне за мою, так сказать, деятельность должно быть стыдно. Хорошо... Очень даже хорошо...

– А почему вы решили, что я здесь бездельничаю? – вспыхнул он.

– А это не я решил... Это там решили, – я ткнул пальцем в потолок. – И потом... я, наверное, не правильный глагол использовал. «Бездельничать» – это не совсем правильно...

– Это совсем неправильно! – перебил он меня с вызовом в голосе. – Я тут с утра и порой до ночи сижу безвылазно, бумаги так и сыплются, словно снег. И все требуют немедленной реакции, быстреешего ответа. А не ответишь, начнут «склонять», ругать, угрожать, требовать. Я тут, дорогой мой, не бездельничаю.

– Хорошо, хорошо, – я поднял руки, давая понять, что согласен. – Не бездельничаете тут, работаете в поте лица: со-вещения то в компании, то в министерстве, то еще где-то, документы, письма, инструкции... Понимаю, что система такая и не нами она придумана, но... все же... так тоже дальше нельзя. Здесь чтобы решить простой вопрос нужно закопаться в бумагах, а уж узнать что-нибудь, добыть какую-нибудь цифру в вашем царстве – сущая пытка – ходишь-бродишь от одного к другому, звонишь туда-сюда, просишь, выпрашиваешь... Тьфу!.. И у всех вид такой, словно спят с открыты-

ми глазами, а ты к ним пристаешь со всякими глупостями и беспокоишь, прерываешь сон на самом интересном месте.

Он сидел и молчал, потом недовольным голосом буркнул:

– А что, где-то по-другому? Бумаг много, все путано-перепутано, но не мной же это придумано. Приказы, инструкции, циркуляры, письма, докладные записки, звонки с указаниями – все это идет оттуда, – он многозначительно показал глазами на потолок, – а теперь им все это не нравится, решили менять. А про себя они не вспомнили? У себя они там ничего менять не желают?

Я неопределенно пожал плечами.

– Про них ничего не могу сказать.

– А кто может? – со злостью в голосе спросил он. – Это же они прислали вас сюда посмотреть, так сказать, изнутри. Сами все соорудили, а что внутри происходит, даже не представляют. Прекрасно! Отлично устроились! – хмыкнул он. – Все здесь было спокойно, тихо крутилось, а теперь собирай вещи и отправляйся в Н-ск.

Он раздраженно передернул плечами.

– Сами-то они в Н-ск не собираются переезжать. Здесь осели поголовно. Бульдозером не сковырнешь.

– Нет, не сковырнешь, – согласился я. – Да и опасное это дело – их ковырять, лучше не трогать. Вот и ковыряют в других местах. Здесь, например.

Он зло оскалился.

– Нашли где менять! Это все равно что рассуждать о за-

грязнении окружающей среды, но при этом единственно что делать – менять воду в собственном аквариуме. Результата никакого не будет. Рыбы только передохнут.

Я хмыкнул в ответ. Интересное сравнение.

– Сокращают таким образом расплодившуюся бюрократию, – равнодушно заметил я.

– Что! – взвизгнул Владимир Иванович и чуть не подпрыгнул на своем краю дивана, хорошо, что я сидел на противоположной стороне. – Вот так?! Вот тут?! В самом низу? Здесь, среди людей, обреченных почти что на рабское существование? Ну, знаете... – он одним глотком допил свой коньяк. – Это уму непостижимо. Здесь что-то менять – все равно что тротуар зубной щеткой мести, через минуту уже заплюют.

Какое все-таки богатое у человека воображение: то аквариум, то тротуар мести зубной щеткой – интересный персонаж. Или, может быть, разыгрывает передо мной сцену со справедливым возмущением, словно я не я, а сам Петр Степанович пришел к нему в кабинет. Но перед ним-то, наверное, сидел бы молча и даже не шевелился, все бы принял с монашеской покорностью и самоотречением.

– И потом... Бюрократия, она неистребима! – и он, обернувшись ко мне, многозначительно задрал указательный палец и добавил:

– Запомните это, молодой человек, – он посмотрел на свой пустой бокал. – Выпьете?

– Я ж на работе, Владимир Иванович.

– Ой, да ладно! – замахал он на меня руками, словно отгонял назойливую муху, и сам вскочил, метнулся к шкафу, булькнул пару раз и вернулся с заполненным наполовину бокалом. – Ну, не хотите, как хотите. Я не неволю. А насчет бюрократии, могу с уверенностью сказать, что бюрократия вечна, как и власть. Всегда так было, что кто-то командует, а кто-то подчиняется. Всегда так было, есть и будет! И тех, кто подчиняется, всегда большинство, а тех, кто ими командует, значительно меньше. И, к тому же, вот такая бюрократическая, чиновничья система существует не одно столетие. И столько всего там «наросло», что и не вычистить ни за год, ни за десять. Но, самое главное, что чиновники всегда служили во благо лишь тем, – он указательным пальцем ткнул в потолок, – правящему, так сказать, сословию, но с неизменным условием, что и себе оставляли кое-что.

Помните, были когда-то разные советники: статские, тайные, титулярные, столоначальники, опять же директора, деление в соответствии с табелем о рангах, а потом появились комиссариаты всякие, совнаркомы, райкомы, обкомы, горкомы и так далее..., чья деятельность также была направлена на защиту нового, но все же, правящего сословия. Народ сам по себе, а те сами по себе. И снизу, – он кинул многозначительный взгляд на ковер, – попасть туда, – он перевел взгляд на люстру, – попасть было очень и очень трудно, почти невозможно. Редко если такое случалось. И расчистить

все это практически невозможно.

– И то верно, – я задумчиво кивнул головой. – Не вычистить. Да-а уж... Подбирают для себя и под себя. Берут в основном прилежных, исполнительных, но ни к чему не годных, чтоб не подсиживали, а лишь засиживали, – он кинул на меня быстрый взгляд, но сразу же отвернулся. – Но не учитывают только одного: со временем таких вот «прилежных и любезных» становится все больше и больше, и своей массой они вытесняют тех, кто их наплодил и рассадил. Ну и время, конечно, способствует этому: с поста и на погост, покомандовал и в стену. А коль те рассядутся на своих местах... – тут я глаза закатил, как мне показалось, выразительно, – то сразу же начинают окружать себя еще большим количеством таких же прилежных, исполнительных и еще более никчемных, полагают, что так смогут обезопасить себя. Подбирают подчиненных, исходя из собственного опыта и из наблюдений за происходящим, но со стороны, с безопасного расстояния. И это все растет, разрастается, распухает... – я растопырил руки и показал, как куча поднимется, выше, выше... рядом начал другую выкладывать, потом бросил – не очень живописно, но и так сойдет, – н-да, не вычистить... очень и очень сложно расчистить...

– Тогда зачем это – «упразднение административного отделения предприятия...», а?

– Как это зачем? А все ради денег. Ради наживы. Разве не понятно?

– Какая-то бедная, почти убогая цель и причина для всякого рода изменений, не кажется ли вам? Нажива! Жадность! Это же отвратительно.

Я неопределенно пожал плечами.

– А на что, простите, ориентироваться кроме денег? Царей-то нет, королей нет, от сословий ничего не осталось, райкомы исчезли, а кто в них сидел – те сбежали, а другие перекрасились, рядом будешь стоять и не увидишь... Короли стареют и умирают или им головы рубят, царей убивают, императоров свергают, а чиновники остаются, и после каждого переворота их становится все больше и больше, к старым прибавляются новые и молодые, и они продолжают служить в своих конторах, отделениях, главках, министерствах... Может и не в императорах с королями все пагубное дело-то, а?

Он скривил губы.

– Может и не в них, – согласился он. – Деньги, деньги, всюду деньги...

– Конечно деньги. У тех таинственных граждан, на которых мы оба служим, имеется одна общая черта – они везде теперь ищут для себя выгоду. Вот из-за этой выгоды контору и закрывают. Ни политика тут не замешана, ни идеологические вопросы, а лишь деньги, и никаких эмоций поверх этого. В строчке «прибыль» с каждым днем должно быть больше и больше, и не хуже, чем у соседа.

Он понимающе наклонил голову, не отрывая взгляд от

ковра. Понравился, наверное, с собой заберет на новое место.

– А у вас одних начальников пятнадцать штук. Всякие. Замы ваши, начальники управлений, отделов, еще какие-то замы. Даже служба безопасности имеется. Завели зачем-то. Что он там охраняет, стережет? Такую трясину развели, что и шагу нельзя ступить – проваливаешься в какую-то муть.

– Трясину? А кто будет управлять всем этим стадом? – вскинул он брови, выстрелив этот вопрос. – Кто будет управлять всей этой человеческой массой, что растет и размножается, а? Кто-то же должен. Их же нельзя оставить самих по себе. Это же, вообще, неизвестно чем закончится. Случайно не знаете ответа на этот простой вопрос? – он ехидно оскалится.

– Нет, не знаю, – успокоил я его. – Но знаю совершенно точно, что стоит лишь трем конторским служащим, они же чиновники, они же бюрократы, объединиться под одной крышей с благим намерением, как вы говорите – управлять стадом или коллективом, то полдня они в самом деле будут управлять им, как смогут, как получится, а другую половину начнут бороться и грызться друг с другом, но здесь уже на совесть, так сказать от души.

Но когда под этой же крышей их становится все больше и больше, как здесь, почти сотня человек, то они только тем и заняты, что выстраивают какие-то сложные, запутанные отношения друг с другом, словно вяют паутину, а стадо, массы

бредут сами по себе, направляемые лишь чувством голода, жажды, похоти и собственно безопасности – основные инстинкты, они самым сильным образом, как раз, и проявляются именно в массе, в толпе. Вот такие дела, – я развел руками. – Индивидуум со своими идеями, чувствами и фантазиями исчезает среди этих людей, вьющих сложные взаимоотношения, растворяется среди них полностью и без остатка. Как, например, в вашем коллективе. Даже я, повидавший на своем веку всяких контор, чуть не погрузился в летаргический сон здесь, у вас. Как будто чем-то липким обмазали, и не пошевелишься, не побунтуешь, безвольный какой-то сделался, словно все соки из меня выкачали – сам этому удивляюсь.

Но все с утра прилежно сидят за столами. Чем заняты? Одному Богу ведомо. Но все на окладах и немаленьких. Плюс еще премии, надбавки всякие... Это показалось кому-то очень расточительным. Вот вас и переводят в Н-ск. Вы же родом из Н-ска. Прекрасная возможность вернуться в родной город. Наладить там дело, помочь землякам своим опытом и знаниями...

Он печально опустил уголки рта.

– Меня этого генерала попросили пристроить, позвонив напрямую оттуда, – он оторвал взгляд от ковра и посмотрел опять на потолок. – Отказать было никак нельзя. И все остальные приблизительно такие же. Вас, только, я как-то пропустил, проморгал.

– Так, я же человек маленький. Должность у меня рядовая. Клоп, а не человек.

– Мал клоп, да вонюч, – ухмыльнулся он, а я и не обиделся. Что тут обижаться. Хорошо беседуем, спокойно, без эксцессов и истерик. Не всякий раз такое случается. Бывало, что и угрожали расправой, но потом куда-то сами исчезали. Не мое это дело, что потом будет.

– Деньги сейчас решают все, – продолжил я, взглянув на часы. Пора было и уходить. Познакомились, поговорили и разошлись с миром. О чем тут, вообще, говорить? И так все ясно.

– Это, что деньги решают, конечно плохо, но иногда и хорошо. Как в нашем случае. А что касается людей... – я замолчал, прикидывая, а стоит ли продолжать, уж очень эта тема, про людей и как с ними быть, неопределенная, но потом решил и заговорил:

– Вы знаете, – я повернулся к нему, он взглянул на меня, но сразу же опустил глаза, – я очень часто смотрю на звездное небо и стараюсь представить как и что там происходит вокруг той или иной звезды. Воображаю себе, что там кружатся планеты. Пытаюсь вообразить, какие там могут быть закаты, рассветы. Какая там жизнь, если вообще там есть жизнь. Воображаю себя в звездолете, летящим к тем звездам, занятым разными исследованиями... А потом прихожу в такое вот место, как это, сажусь за стол и пишу письмо со словами «... в ответ на ваш входящий номер извещаем,

что...»

И вас, наверное, не удивит, если скажу, что не только я один смотрю на небо ночью. Судя по косвенным признакам, вы тоже заглядываетесь на звезды.

Человек – это сам по себе космос. Это бездна способностей, которые он не может реализовать по причинам самым разнообразным, и в частности из-за вечного страха лишиться куска «хлеба насущного». Голодать-то никто не хочет, а потому приходится идти на компромиссы по отношению к себе, по отношению к другим. Здесь уступил, там слабинку дал, тут опять сдался, лишь бы не высовываться и не конфликтовать – иначе можно остаться без всего, совсем без всего и в результате попадаешь в рабство, в прямом смысле этого слова. Получаешь грош, а отдаешь самое ценное, что у тебя имеется – свое время, свою жизнь, кстати, очень короткую. И отдаешь не на изучение космоса, далеких планет, а чтобы отвечать на идиотские письма и получать за это корочку хлеба. Вот это я ненавижу больше всего.

Последние слова я произнес, сжимая зубы.

– Поэтому мне совсем не стыдно. Хватит вам рабов здесь держать. Пусть идут на свободу. Выживут там или не выживут, или опять пойдут служить – не мое дело. Пусть смотрят на небо и сами решают как им жить...

Я поднялся с дивана.

– А вы, как я вижу, мечтатель, философ, почти психиатр-бщественник. Романтик! – с ехидной интонацией поста-

вил он ударение на букву «о», а я опять не обиделся. Да, не без уродства. А кто у нас совершенен? Лишь пожалел о том, что разоткровенничался про какой-то космос, про звездолет, не стоило так обнажаться в этом месте и перед этим типом.

– Я даже биться об заклад не буду, что все они в скором времени опять вернутся за стол, – хмыкнул он. – А те, кто не вернется, то, скорее всего, либо наложат руки на себя: повесят или утопят, найдут где место поглубже и с головой туда, либо перемрут с голоду.

– Может быть... Может быть... И такой вариант не исключен. Но, все же, удивительно, какого вы невысокого мнения о своем «войске». Что ж вы с ним в бой-то пошли? Почему не разогнали раньше? Особенно этот Михаил Сергеевич и его сподручная Татьяна Марковна. Подобных типов я не встречал уже давно. Фу! Мерзость какая! – я невольно передернул плечами.

– Что мне дали, с тем я и пошел. Не я их набирал. Все время кто-то кого-то подсовывал. И отказать нельзя... И уволить без разрешения не получится. Почти за каждым стоит то родня какая-то, то друзья, то еще невесть кто – и все люди полезные и в быту, и в делах. А что вам этот Михаил Сергеевич по душе не пришелся-то? Славный малый, любезный.

– Тем и не пришелся, что славный и не в меру любезный для вас, но во всем остальном, как водится за такими «любезными», лоботряс и разгильдяй, и здоровье у него хлипкое – каждый месяц на бюллетене, но, опять же, на хорошем

окладе, а не улицы метет.

– Кто ж таких на улицу выбрасывает? – хмыкнул он. – Это таких, как вы, в дворники и дальше отправляют. А этот никогда по улице ходить не будет, только ездить по ней будет.

– Это верно, – пробормотал я. – Не пропадет малец. Пристроят. Вас же тоже без дела не оставляют, хотя и второй раз попадаетесь. В Н-ск переводят на руководящую должность. И жалеют вас, и числитесь также любезным и послушным, а результат...

– А что результат? – в его голосе зазвучали злые нотки. – Кому он нужен ваш результат? От этих «результатов» одна лишь головная боль. Если где-то, кто-то показывает ваш «результат», то все те, кто с ним как-то связаны, тоже должны меняться и начинать показывать этот самый «результат», не в пустыне живем, все-таки, не в тундре, все повязаны, все зависят друг от друга. Это значит, что все должны менять у себя и внутри себя... Хотел сказать «перестраиваться», но как-то язык не повернулся. А это так сложно, меняться-то, это безумно сложно, и, следовательно, мало кому такое может понравиться, – он помолчал, подумал и продолжил:

– Сложилась система, а система – это не я один, это много, очень много людей, и все связаны друг с другом тем или иным образом и способом. И гонят через нее, эту систему, деньги, и все, кто внутри системы, сыты и довольны, для них любые изменения хуже погибели – не нужны им изменения. А если где-то и освобождается место, то туда определяют

человека из собственного окружения. Чужих не берут. Там должен быть человек такой же, как те, кто сверху, и сбоку – спокойный, уравновешенный, не debil, млеющий от вида звездного неба, – он кинул многозначительный взгляд в мою сторону, а я опять не обиделся. Что мне обижаться? Он прав... и я тоже прав... все правы, а дела идут все хуже и хуже... Увидев, что я никак не реагирую, он продолжил, – без «завихрений» в мозгу, без «результатов», но исполнительный. А я что, особенный? – он закатил глаза, поиграл бровями. – Мне все эти изменения и новые «результаты» тоже не нужны. Мне семью надо кормить. У меня двое детей.

– Трое... – поправил я. – Ваша молодая жена на шестом месяце, глазом не успеете моргнуть, как квартал пролетит. А те двое – это у вас от первого брака.

– Вы и про это знаете?.. – он удивленно поднял брови.

– Знаю, знаю... А что тут знать-то, про это все знают, вслух не обсуждают, однако знают. Но то ваше личное дело, ваши личные дела-делишки. Меня они не касаются. Вернемся в контору. Ну хорошо... Согласен... Система сложилась... Те, кто внутри нее, сыты и где-то как-то довольны жизнью... Хотя это временное и обманчивое чувство – разве могут такие люди, как вы, например, быть довольными жизнью. А эти, ваши непосредственные подчиненные – начальнички местные, им все мало, им все время большего подавай. А рядовые сотрудники? Они-то бегают сюда за гроши. Им, тем более, мало и хочется больше, больше...

– А и пусть бегают, – он небрежно махнул рукой. – Они тоже не по конкурсу сюда попали, а через знакомства всякие, с помощью звонков и связей. Сидят здесь по собственной воле. Может они и поглядывают на небо, но лишь для того, чтобы решить брать зонтик с собой или оставить его дома.

Я прошелся по пружинистому ковру до окна, постоял недолго, посмотрел на крыши, с торчащими в разные стороны антеннами, с забитыми фанерой чердачными окошками – скучное зрелище и вернулся к дивану.

– И после этого, после такой оценки собственного предприятия, вы спрашиваете – не совестно ли мне? Вам на них наплевать, как на скучные, ненужные вещи, а они это и чувствуют и знают, а потому отвечают вам тем же – безразличием к делу. По-моему, в этих стенах о какой-то совести речь не должна идти вовсе. Закрывать надо и разгонять – единственный выход из сложившейся ситуации.

– Повыгонять людей на улицу... – он передернул плечами, – чтобы они сидели в подворотнях с протянутой рукой и смотрели на звездное небо? Они ж никому не нужны. Они и делать-то ничего не умеют. Почти беспризорники, а точнее сказать – они как рабы. Сейчас они при хозяине, а когда хозяина не будет, что с ними станет? Куда им идти? И что нужно рабам? Звезды? Космос? Свобода? Да на кой она им сдалась! Свобода это голод, это жажда, это бесконечная борьба со всем миром, это... м... м... – Владимир Иванович замычал и затряс руками, словно они были в кандалах, а он

безвинно осужденный узник, требующий справедливости и потому просит об этом у всего мира... и продолжил, – это... это кошмар, а не жизнь! Это суета, это беготня, это вечное беспокойство о куске хлеба, это страх, что он не сможет прокормить ни себя, ни свою семью, если такова у него еще сохранится к тому времени, а не разлетится вдребезги. А раб, он накормлен, у него есть где спать, там тепло и сухо, и он при деле, и ни о чем не беспокоится, потому что знает, что это бесполезно.

Единственно, что нужно хозяину – это чтобы раб считал свою жизнь нормальной, пусть не счастливой, но устроенной, и не только не строил планы всякие выбраться на свободу, но даже не мечтал о какой-то там глупой, не нужной никому свободе, чтобы раб был доволен, а для этого ему, рабу этому, надо внушить одну простую мысль, что у него все хорошо, и тогда ему многого не надо, он будет довольствоваться малым, но и трястись от одной лишь мысли, что вот хозяин придет, и с него снимут кандалы, – он опять потряс руками над столом, – его освободят и выбросят на улицу, в этот мир, на вольные хлеба.

А как внушили ему или ей мысль, что у него все хорошо, как у других, то и хлеба можно поменьше давать, и воды... – он задумался на мгновение, – нет... воды, питья всякого надо давать как положено, без питья человек долго не протянет, без еды может прожить подольше, а вот без питья – вряд ли. Можно и платить поменьше – все равно доволен, ведь.

Но здесь самое главное – это не перейти грань, не нарушить то тонкое равновесие, когда это «доволен – не доволен» перекосится на сторону, где «не доволен», и совсем плохо будет, когда «всем очень не доволен», тут требуется осторожность, знание материи...

– А можно еще проще все сделать, – добавил я, поддерживая эту тему и игру в размышления про судьбы этого мира. – Добавить в сложившуюся систему, сделать ее такой, чтобы бежать было некуда, чтобы все везде было одинаково. А когда бежать некуда... Всюду одно и то же... И платят одинаково, и кормят одинаков, и питье одно и то же, и мебель почти одинаковая, и холодильник, и машина... Тут у многих и пропадают мысли о «результате», о поиске такого места, где можно было бы добиться «результата», проявить себя, показать с какой-нибудь особенной, яркой стороны – все ж везде одинаково, зачем надрываться, правильнее будет – не высываться. Но именно при подобных обстоятельствах у некоторых и начинают появляться мысли о свободе.

– Опять вы про свою «свободу» начали! – взвился Владимир Иванович и почти бросил пустой стакан на стол, так что тот зазвенел. – Нет её, свободы этой! Не-ет! Сами знаете. Кто где сможет приткнуться, там и осядут опять и будут судьбу за это благодарить. А где в этом городе можно пристроиться? – только за столом. У нас и учить-то толком никто не учит. Сказки какие-то рассказывают про звездное небо, а люди потом выходят на работу, а там... – он устало махнул

рукой. – Там либо бумаги с места на место двигаешь, либо нужно крутить ржавые гайки. Согласитесь, таким способом мы до космоса вообще никогда не доберемся. А что касается свободы... – он задумался, сложив пальцы шалашиком. – Свобода – это самое сложное, что есть на этом свете. Это сложнее вашего звездолета в миллионы раз. И если полетам к вашим звездам где-то как-то учат, то как пользоваться этой «свободой» не учат нигде. Учат как выжить в рабстве, но как выжить, когда «свободен» – об этом не говорят ни слова, нигде, ни в одном учебном заведении, которых у нас великое множество, нет ни одного курса, нет людей, которые бы знали и смогли объяснить.

– Согласен, – задумчиво пробормотал я.

А что?! Прав мужик. Но... тут я вспомнил про его молодую беременную жену. Как она отнесется к переезду из большого города в Н-ск? Согласится ли на эту жертву, а для нее это будет именно жертвой. Она же на другую жизнь рассчитывала, а тут раз! и стала женой декабриста. «И зачем он поперся на эту Сенатскую площадь?» – будет она шептать в трубку своим подругам, прикрывая рот ладошкой, чтобы сам не услышал.

Скорее всего, не согласится... А он, к тому же, и не декабрист. Он такой же раб, как и все, только с большими благами.

– Я хоть и мечтатель, но тоже не оптимист, – продолжил я. – Согласен, что свобода – предмет очень сложный. И нет у нас системы, которая занималась бы тем, что определяла ка-

кие у кого способности и дальше пристраивала на соответствующее место, чтобы и человеку было интересно на работе и пользу можно было бы получать от него по максимуму, то есть освободила бы его хоть немного, хотя бы в некоторой степени. Как там говорили в те времена про способности и потребности?

– От каждого по способностям, каждому по потребностям, – буркнул он. – Так, когда-то писали на плакатах, но дальше этого, дальше пустых слов, дело не пошло...

– Да... Дальше этого не пошло, потому и провалились опять на несколько уровней вниз... Но... – я задумчиво обвел взглядом комнату. – Знаете... Если родиться с мыслью, что жить можно лишь в ловушке, где лежит корка хлеба или сухой завиток сыра, и жить все время в страхе от того, что неизвестно что и как с тобой сделают те, кто расставил эти ловушки: то ли убьют, как крысу, то ли пожалеют и отнесут в какой-нибудь зоосад, где условия содержания лучше, чем в ловушке, то... лучше, наверное, выпрыгнуть из чрева на первом-втором месяце беременности, в виде кровавого ошметка, и на этом все закончить... И, может быть, начать все с начала, если перерождение возможно, как считают буддисты. Не знаю... Не знаю... Сам не в лучшем положении...

Мы оба замолчали. Один сидел в углу дивана, смотрел перед собой на рюмку на столе, о чем думал – неизвестно. Может быть, про то как будет объясняться с беременной женой, а они, эти беременные жены, очень нервными становятся –

это я знаю по собственному опыту. А может быть, продумывал варианты, альтернативные переезду в Н-ск. Он же человек со связями, наверное, кто-то уже предложил еще какое-нибудь место в другое конторе. Я же стоял и смотрел на светлый квадрат окна. Стало почему-то грустно, даже тоскливо.

– Но, все-таки, что-то нужно делать. Вот так, как сейчас оставлять нельзя.

– Слышал я уже много раз это – «оставлять нельзя», «нужно что-то делать», – он попытался улыбнуться, но улыбка его больше напоминала оскал. – Это значит, что чем-то или кем-то придется пожертвовать. У нас все «действия» происходят с жертвами. Опять придется жертвовать. У нас вообще без жертв не получается. Любой эксперимент заканчивается жертвами, но не пожертвованием. Но и оставлять так тоже нельзя – здесь вы правы. И как развязать этот узел?

– Развязать не получится. Слишком все затянулось. Придется рубить.

– А кто рубить-то будет?

Я кивнул головой в сторону двери.

– Они.

– Хотите дать им пинок под зад, чтобы они за колья взялись? – ухмыльнулся он.

– Ну... За колья они вряд ли возьмутся... Слабоваты для таких подвигов, к тому же образ жизни, опять же образование, те же знакомые, что устроили их сюда, не позволят им

опуститься до этого... — я стоял, засунув руки в карманы, смотрел себе под ноги. — А почему вы, Владимир Иванович, не можете представить себе такой вариант, что кто-то из них не вернется на службу в контору, а пойдет учиться дальше, откроет какое-нибудь свое дело... Телескопы, например, будет собирать или продавать... Отыщет каких-нибудь, похожих на него мечтателей, и начнут они наконец что-то делать. Почему вы такую возможность не рассматриваете?

Он бросил на меня быстрый взгляд и пожал плечами.

— Сомневаюсь я, что среди них кто-то такой остался. Они без подчинения хозяину своей жизни уже не представляют и мыслят исключительно понятиями «исполнить приказ», «выполнить поручение», «сделать все по правилам»...

— Еще «удовлетворить начальство», — хмыкнул я. — Просто вы сами давно уже перестали искать, пробовать, пытаться что-то сделать, даже перестали учиться. Вас вполне устраивает сложившаяся жизнь. Всякие эксперименты — это ненужное беспокойство, что-то новое может привести к непредсказуемым последствиям, за которые по головке вас не погладят. Верно?

В ответ ни звука.

— Ладно. Верно это или нет — не нам решать. Судьба этой конторы уже определена, судьба этих людей..., как говорится, в их собственных руках, — я вынул руку из кармана и посмотрел на часы. — К сожалению, мне надо идти, Владимир Иванович. Пора. Да и у вас дел много.

Он задумчиво кивнул головой, но с дивана не встал. Сидел, развалившись, вытянув ноги, прижимал к губам кончики пальцев, не моргая смотрел на носки своих ботинок.

– Идите. Я вас более не задерживаю.

Все-таки изрек он эту фразу, что «меня более не задерживает». Значит, не поедет он ни в какой Н-ск, здесь останется, как и все они. Я направился к двери, но на полпути остановился и, обернувшись, сказал:

– Да... вот еще что... Владимир Иванович, дорогой, как вы сами уже догадались – вы меня не знаете. Мы с вам хорошо поговорили, но вы меня не знаете. И нигде мою фамилию не упоминайте, пожалуйста. Так будет лучше для всех: и мне спокойнее, и для вас также.

В ответ ни слова.

– Вижу, договорились, – я пошел к двери. Все-таки последнее слово осталось за мной.

В приемной уже толпились какие-то люди. Я приоткрыл дверь и постарался проскользнуть незамеченным, но бдительная «хорошенькая головка», все же, заметила мое движение и сразу же обратилась к одному из тех, кто мечтал попасть на прием к директору.

Гнездо разворошили

Вошел в комнату я с опущенной головой, ни на кого не смотрел, сразу же прошел на свое место, плюхнулся на стул с

обреченным видом, поджал под себя ногу, закрыл глаза и, откинувшись на спинку стула, постарался прикинуться невидимым, но это у меня, как обычно, не получилось.

– Зачем директор-то вызывал? – раздался голос «деда».

Я открыл один глаз, закрытый глаз потер пальцем.

– Предлагал мне ваше место, если соглашусь с ним ехать в Н-ск, – не моргнув, ответил я.

Слышно было как в углу тревожно завозился вначале сам «дед», а следом начала нервно шуршать бумагой, словно мышь, и Аграфена Фроловна.

– И? Согласился? – хриплым от волнения голосом спросил Богдан Осипович.

– Пока нет... Сiju, вот, думаю... Далеко этот Н-ск, все-таки. И про жилье мне ничего не сказал, и про условия...

– Нет там никакого жилья, – буркнул «дед». – Собираются только строить.

– Плохо... – резюмировал я.

– А с чего вдруг этот разговор про Н-ск у вас случился? – осторожно спросила Аграфена Фроловна.

– Да! Кстати... – подхватил «дед» и молодежь тоже насто-рожилась.

Как я уже говорил, человек я простой, привык, знаете ли, говорить правду. Вот и сейчас не смолчал, резанул по живому.

– Директор намекнул, что, мол, там, – я указал пальцем на потолок, – порешили перевести административный аппарат

в Н-ск, поближе к стройке, а то, как-то неловко получается – строят там, а командуют отсюда.

В комнате на мгновение повисла тяжелая пауза, очень похожая на то состояние ожидания, когда в грозу мелькнет молния, и поневоле замираешь, ожидая раскатов грома.

– Как переезд? – испуганно пролепетала Юлечка.

– Какой переезд? – уточнил Юрочка.

– Не может быть... – пробормотала Аграфена Фроловна и опустила спицы.

Один «дед» не сказал ничего, сидел в своем углу, опустив глаза, словно умер. Вот, даже в театр ходить не нужно – «Ревизор» в исполнении моих сослуживцев.

– А такой... – уточнил я, – собираем манатки и в поезд. Вагоны люкс для директора и секретариата, купе для начальничков пониже, а нам плацкарт или теплушки. По дороге питаемся, чем удастся отовариться на станциях, всю дорогу пьем водку, играем в карты и домино, гоняем до одурения анекдоты.

– Я так и знал... – тихо, но внятно произнес Богдан Осипович, и все мы посмотрели в его угол. – Чуяло мое старое сердце, что что-то должно случиться, что так продолжаться долго не может. Недаром мне на днях снились какие-то вокзалы, буфеты... Станный сон... Так не должно быть, что строят в одном месте, а все конторы сгрудились вокруг Большого Театра и Метрополя – это неправильно. Даже в прежние времена такого не было.

Я удивленно взглянул на «деда». Вот те на, и кто излагает эти рациональные и разумные идеи? Человек, которому до пенсии осталось менее года, кто старался изо всех сил досидеть до «звонка» в теплой и сонной конторской атмосфере – воистину чужая душа – потемки.

– Я бы и сам поехал... коль так случится... Но... не мне же предложили, и староват стал для таких переездов... – сознался «дед». – Поговаривают, что сокращение будет... Ничего он тебе про это не говорил?

Я отрицательно покачал головой.

– Как, однако, неудачно получится, если нас здесь разгонят... – крикнул от досады он. – Чуть больше полугода осталось мне до пенсии, а тут такой разворот – прямо удар ниже пояса. Верно я говорю, Аграфена?

– Да... уж... – подтвердила та.

Юрочка с Юлечкой, не сговариваясь, встали и один за другим вышли из комнаты.

«Пошли звонить по своим. Пошли перепроверять что я тут наговорил», – подумал я не без злорадства.

– Так... Может... ничего и не будет, все обойдется, – попытался соврать я, но у меня это плохо получается.

– Ладно, ладно... – он отмахнулся от моих оправданий. – Коль разговоры пошли – значит это неспроста, значит что-то затевают. Круги на воде сами по себе не появляются. Был бы помоложе, как ты, например, поехал бы не раздумывая. А теперь придется новое место подыскивать. Хлопотать, про-

силь, умолять, чтобы взяли, ползать на коленях... Эх-х ... – крикнул он с досады. – Соглашайся... – продолжал он прощупывать меня. – Деньжат там будут платить больше, чем здесь – подзаработаешь. Край там таежный, зверья водится всякого немерено.

– Под словом «зверье» вы кого имеете в виду? – ехидно переспросил я.

Но «дед» не поддался на провокацию.

– Медведи, лисы, волки, зайцы... – начал перечислять он, – птицы много всякой: утки, гуси, тетерева... Это на тот случай, если ты охотник.

– Нет! Нет, – замахал я на него руками, – не охотник я до зверья всякого. Мне и в этом городе его хватает. Но, все же, нужно подумать. В наше время работой не разбрасываются. Надо подумать...

– Ну... думай, думай... – с тревогой в голосе пробормотал «дед» и затих в своем углу, а Аграфена Фроловна, подперев голову рукой сидела молча и смотрела на стену напротив, потом, тяжело вздохнув, вытянула из ящика длинный кусок нити и продолжила постукивать спицами. Юрочка и Юлечка так и не объявились до самого вечера.

Ну, и я стал думать, но думал не о переезде, а о том, как этот Владимир Иванович смог меня «вычислить».

«Здесь, в стенах этой конторы, работает около сотни людей всяких – публика самая разношерстная, но вызвал именно меня. Не мог он распознать меня без чьей-то подсказки.

Не за что зацепиться. Абсолютно не за что. Все было сделано гладко, и я ни чем не выделялся из этой толпы. Такой же, как все. Шел со всем стадом и ни вперед, ни вбок не уходил и не отставал. Значит, у Петра Семеновича завелась «крыса», и об этом ему надо будет доложить сегодня же вечером. Пусть тоже вычислениями займется. У них там, в верхах, сразу информация по цепочке передается, сразу все знают кто на кого как взглянул, кто на кого сослался, кто кем прикрылся, кто кому слово не то сказал, кто место не уступил, кто дорожку перешел, ... по этой цепочке можно и в обратном направлении пройти, до самого первого звена.

Интересный разговор, однако, получился у нас с этим Владимиром Ивановичем. Любопытный он тип, не глупый, не истеричный, вдумчивый, но какой-то вялый, что ли, не инициативный. Может потому что сытый, все у него имеется и с большим запасом, а потому нет необходимости шевелиться лишний раз, придумывать... и так все сойдет... и оно сошло бы, если бы не я...

Зря я, конечно, начал перед ним распинаться про звездное небо, про космос... Черт меня дернул за язык. Надо было придумать что-нибудь попроще, например про сельское хозяйство, про парники и грядки, а то теперь начнет рассказывать кому не надо, что агента заслали к нему какого-то блаженного, болтуна-романтика... Или не будет ничего такого говорить, потому что не в его интересах болтать про это – уберут, если болтать начнет. Ну, да это его личное де-

ло. Мне-то надо о себе подумать. Как теперь быть? Придется опять дома сидеть в ожидании нового назначения, терпеть косые взгляды, скрытое недовольство, самому придумывать для себя разные занятия, чтобы не болтаться по квартире день-деньской, не путаться у них под ногами, не мешать им жить...

Деньги мне Петр Степанович будет доплачивать, немного, но не позволит с голоду подохнуть – вознаграждение за верную службу, однако не в деньгах, ведь, счастье.

И что же это за дом у меня такой, что туда и возвращаться не хочется, а? Говорят, что так все живут. А мне так не нравится.

Вот, ведь, как получается – для себя сам и вырыл эту яму. Ходил бы на службу спокойно, как все, год за годом, и проблем бы не знал этих, а время шло бы потихонечку, шло и шло, старел бы понемногу, глупел бы, дурнел, превращался бы в такого, как этот Богдан Осипович, ничего бы вокруг не видел и не слышал, дремал бы в углу, как паук, но чувствовал себя спокойно и даже уверенно, поскольку хозяин считал бы меня своим, почти собственным... или даже не почти, а считал бы именно собственностью, одушевленным предметом...

Так нет же... Нужно было перевернуть здесь все вверх ногами, и самому оказаться опять на улице. А почему?...

Я нервно затряс ногой. Зачем-то несколько раз двинул «мышью» при выключенном компьютере.

«А потому что я ненавижу все здесь — вот зачем! Этот стол и этот стул, всю эту комнату со шкафами, этих персонажей: и молодых, и старых, с рабской покорностью прибегающих сюда, чтобы ничего не делать, всю эту контору, осевшую за тысячи километров от стройки, и руководящую почти вслепую отсюда, из этого города, набитого по самые крыши такими же конторами, где все бегут к своим столам с каким-то самоотречением, свойственным только рабам, понимающим, что жизнь их целиком и полностью зависит от воли хозяина и его надсмотрщиков. Злятся, негодуют, ругаются, стараются, по возможности, ничего не делать, демонстрируя тем самым свое несогласие и недовольство, но все равно с привычным усердием бегут по протоптанной миллионами похожих ног дорожке, чтобы добраться до дверей к указанному служебным расписанием сроку.

И что? Скажете что это не рабское существование? Разве про такое не писали раньше, когда ленивый раб делает определенную для него работу из под палки, безо всякого интереса, опасаясь лишь за целостность своей шкуры и из страха, что жизнь его могут испортить еще больше, отправив на галеры или швырнув в какую-нибудь яму с голодными львами на потеху тем же хозяевам?

Писали и много раз. Ставили это в качестве примера, чтобы не повторялось и каков же результат? А результат все тот же.

Те отношения, когда один или несколько человек могут

распоряжаться жизнями многих других людей – ох и сладкое, ох и упоительное ощущение безграничной власти над чужими жизнями – те отношения никуда не исчезли, они просто немного видоизменились, приняли, так сказать, цивилизованную форму подавления воли индивидуума, усадив его за стол и приучив к этому, к его месту, посредством рефлексов вначале на кусок «хлеба насущного», затем на комфортное существование, что расширяется от получки к получке, от одного места к другому, делается более мягким, более теплым, более пушистым и одновременно затягивая в бесконечную гонку за комфортом, словно в трясину, откуда выбраться без посторонней помощи не получается.

Скажите: чушь! Скажете, что раньше у раба выбора никакого не было – горбать спину на хозяина и сдохни в таком согнутом состоянии. А сейчас, если что-то не понравилось – всегда можешь уйти.

А куда, позвольте задать вам вопрос? Что, много вариантов где можно пристроиться?

Вот и этот говорил, что бьется об заклад, но большинство все равно вернутся за стол или удавятся... или утопятся... не помню, как он там сказал. Впрочем, какая разница. А он здесь и не хозяин вовсе, а всего лишь надсмотрщик – должность почетная, ответственная, но доверие хозяев еще нужно заслужить, нужно постараться. А он, вот, как-то заслужил...

Уйти? Попробуй, уйди. В другом месте и на порог не пустят. Раньше беглых рабов ловили, наказывали и опять воз-

вращали хозяевам, поскольку деньги были за него уплачены. А нынче? А нынче этих беглых видимо невидимо. И что они делают? Сбиваются в новую армию под предводительством второго Спартака? Не смешите! Они с отчаянием в глазах пороги обивают, чтобы им опять позволили усестся за стол.

И что, это поведение должно вызывать уважение и быть примером, потому что человек самоотверженно ищет место, где бы можно было пристроиться, и пятого и двадцатого получать обещанные гроши, чтобы забыть на некоторое время навязчивое чувство страха, доходящее до ночных кошмаров, когда человек просыпается посреди ночи в холодном поту и не оттого, что видел во сне конец света и всадников Апокалипсиса и пассажиров «черного воронка», а от того, что подошел срок платить по счетам за квартиру, за свет, за воду, за газ... или вышел на пенсию...

Не вызывает это уважение... Не вызывает и все... Глядя на это и не смешно вовсе, и плакать не хочется. Скорее рождает чувство презрения, злости и даже ненависти.

Я где-то читал... или слышал... сейчас и не вспомню... Как в Австралии, что ли, на одной фармацевтической фабрике, чтобы сортировать пилюли по цвету и размеру, решили использовать обученных для этого голубей.

А что? Плохо что ли?

Представьте, ползет конвейерная лента, тянется на колесах, словно змея, укусившая себя же за хвост, на нее высыпают пилюльки голубенькие, красненькие,... всякие, и нуж-

но отделить один цвет от другого. Ставят несколько птиц и они, когда заприметят пилюльку нужного цвета, долбят клювом по кнопке синей или красной, или еще какой, пилюлька падает в отведенный под этот цвет ящик, а птицам за работу зернышко или червячка скармливают. У птиц и реакция быстрее и зрение острее, чем у человека, да и накормлены они, и заботятся о них, как на воле о них никто никогда не заботился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.